

ИРИМАН
ГАСАНЗАДЕ

Сербско-хорватска поезија

а сергие
только одно...

НАРИМАН ГАСАНЗАДЕ

Азербайджанская поэзия

а сердце
только одно

стихи и поэма

Азербайджанская
Республиканская
БИБЛИОТЕКА
ИМ. М. Ф. АХУНДОВА

БАКУ ЯЗЫЧЫ 1987

1-590053
054

Ш/6 (2 1/2) 7-5

С(Аз)2
Г 22

Гасанзаде Н.

Г 22 А сердце только одно... Стихи и поэма. Б., Язычы, 1987.—208 с.

Содержание новой книги известного азербайджанского поэта Н. Гасанзаде определяют два главных мотива: лирика любовная, представленная в переводах разных поэтов, и раздумья об историческом прошлом народа — в поэме «Пушкин на Кавказе».

Г 4702060200—023 152—86 (Уточн. т/п 1987) С(Аз)2
М-656—87

© Язычы, 1987

Судьба поэта

Книга поэта—это всегда уникальное духовное жилище, не разделенное внутри клетками квартир, в котором вместо потолка—небесный свод с движущимися мириадами звезд-судеб, а в его свободном пространстве, наполненном озоном «божественной стыдливости страдания», обитают тысячи людей не только разных стран, но и иных эпох, сведенные сюда необъяснимым волшебством поэзии. Разумеется, только магия поэзии может сотворить такое, ведь все, что ты встретил здесь — неповторимо, единственное в своем роде. Ведь каждое произведение, включенное в книгу стихов,—самостоятельно, не зависит от рядом стоящего и не только не помогает соседу, а напротив, утверждает порой совершенно противоположное. Читая сочинение истинного поэта, часто поражаешься столкновению противоположностей—плюса с минусом, черного с белым, а потом догадываешься: ведь вся наша жизнь состоит из этого, и мы, вбирая в благодарную память свою опыт не прожитой нами чужой жизни, как бы без боли, без мучительно истраченных клеток души удлинняем свою короткую, единственную жизнь. Кажется, что все так просто: истина лежала рядом с тобой, и удивительно, как это мы не могли увидеть ее до

того момента, пока глаза наши не встретились с ней на странице книги. Посмотрите, как просто:

Он обычным кажется при встречах
И великим—стоит лишь расстаться.

Эти строки из великолепного цикла стихов Наримана Гасанзаде о Назыме Хикмете. Прочитав их, я вспомнил, как когда-то давно мы, слушатели Высших литературных курсов в Москве, ходили к великому поэту домой, общались с ним, слушали его. И действительно, этот Поэт, с большой буквы, нам казался таким же, как любой из нас. Он говорил о вещах то, что мог бы сказать я, Нариман, Халил, мог бы сказать, но говорил все-таки Назым. Лишь потом я понял, что никто, даже самый мудрый, самый гениальный, никогда не творит истину, он лишь открывает ее, и чем выше, чем глубже, чем дальше таилась эта истина, тем значительнее высота, глубина и даль ее открывателя. Увидеть и открыть правду—высокий удел, но способность увидеть и внять указанной истине—свойство замечательное, данное природой лишь человеку. Назым Хикмет говорил о простых вещах, а я как бы слушал два источника—родника жизни: одним был Назым, а другим—вбирающим токи волн Назыма, мой друг Нариман. И потом он так просто скажет, осмелюсь повторить то, что уже цитировал:

Он обычным кажется при встречах
И великим—стоит лишь расстаться.

При встречах выдающийся поэт поднимал всех нас до своего уровня, и мы, словно бы став такими же, как он, не замечали его величия, и, лишь расставшись, приняв истинно свой размер и рост, начинали понимать разницу меж тем, кто нас поднимал, и нами, и не боль ощущали при этом, но радость от сознания того, что хоть на

миг мы могли быть такими, интуитивно догадываясь,—миг это тоже немало—сжатая вечность.

В цикле о Назыме Хикмете есть две строки, посвященные кончине поэта:

Туда мы на плечах несли Назыма,
Оттуда мы в сердцах его несли.

Поразительные, прекрасные строки—наши сердца стали большими.

Нариман Гасанзаде—поэт великолепный. Его можно читать всегда, как сказал бы наш общий друг—поэт Кайсын Кулиев, «чтобы всегда рядом ощущать солнце, дерево, камень».

Нариман—индивидуален, неповторим, собственнo говоря, без этого и не может быть поэта, и все-таки я говорю об этом, потому что настоящих поэтов у нас маловато. Это самый трудный дефицит. Хлеб можно купить за золото даже у недруга, но песню и друг не может одолжить, ибо она, как любовь, как Родина. Истинного поэта легко отличить по одной-двум строкам. Все мы в своей жизни когда-то были бедны, кем-то были обижены, в кого-то были влюблены, но вот как степень своей бедности в студенческой жизни выразил Нариман Гасанзаде:

И даже я не мог купить газету,
Где напечатал первые стихи.

Вы представляете, как тот поэт, что за рондинку на щеке любимой отдал бы Самарканд и Бухару, за эту газету автор отдал бы полсвета, который был для него дешевле одной копейки, ибо не было у него этой копейки, чтобы купить газету со своими стихами. Беднее быть нельзя. Вот что такое талант, умеющий сказать так, как никто до тебя не говорил, найти такое, что пронзает и потрясает.

Говорят, наши биологи синтезировали некие нейропептиды, гормоноподобные вещества, вводя которые в определенные участки мозга, можно

вызывать заранее заданные эмоции: радость, печаль. Я подумал, сколько же тонн этих нейропептидов заменяет слово поэта, если время действия слова поэта нескончаемо; из поколения в поколение, из уст в уста, от сердца к сердцу...

Нариман Гасанзаде как поэт родился в городе Гяндже, там, где несколько веков до него увидел свет Низами. Мне довелось бывать в этом городе, любоваться людьми, и странно и радостно было видеть, что каждое незнакомое лицо читалось мною волшебной буквицей, еще не вошедшей в алфавит из строк «Пятерицы» Низами. С трепетом и благоговением я входил в мавзолей Низами, ощущая почти физически материю вечности: она состояла из частиц Любви и Добра. И конечно же, поэзия Азербайджана вся была пронизана этой материей.

Когда в светлом, прекрасном Дворце культуры Гянджи открылся поэтический праздник, я чувствовал, как в стихах азербайджанских поэтов были живы и Низами, и Насими, и Самед Вургун. Поэты читали стихи, а я почему-то вспоминал лето 1943 года, когда я, офицер с фронта, по делам службы оказавшись в Москве, в Союзе писателей СССР встретился с Самедом Вургуном, с Сулейманом Рустамом, другими азербайджанскими писателями. Я видел их лица, видел живые глаза Самеда Вургуна, слышал его любовь, воющую, побеждающую. Тогда в военной Москве, не помню в связи с чем, кажется, с юбилеем Низами, но отчетливо помню проходили Дни азербайджанской литературы, и поэты пламенно читали свои огнедышащие, вулканические стихи. Оказывается, пока «в подлунном мире жив будет хоть один пиит»,—поэзия всегда жива. Я обнаружил внутреннюю связь между стихами, которые слышал через десятилетия после Победы, со стихами, звучавшими в дни войны. С каким восторгом народ принимал стихи Наримана Гасанзаде! Какими же должны были быть стихи, вызывающие такие эмоции на земле, где сам воздух наполнен музыкой стиха!

Любовь читателя всегда несет в себе правоту поэта. Она необходима певцу, как энергия, рождающая вдохновение. Я понимаю, как тяжело, как нелегко работать в поэзии, где есть Низами, но может быть, это и облегчает труд, потому что плечи титана высоко вздымают потомков в пространстве времени и с них далеко видно вокруг. Великое дело—традиции. Но я согласен целиком и полностью с высказыванием Кайсына Кулиева по поводу стихов Наримана Гасанзаде: «Чаше всего вручают не традиции, как бы они ни были велики и хороши, а талант. А он включает в себя чутье, без которого не бывает художника».

Чутье—это код концентрированного знания. Чутье таланта—суть таланта, дающий конечный результат истины, пропуская промежуточные моменты на пути движения к ней—к истине. Это как бы ответ на решение сложнейшей математической задачи компьютером, который на пути к конечному результату совершает тысячи операций, а поэт выдает сразу же этот ответ, потому что он вооружен более мощным средством, чем компьютер,—талантом.

Я познакомился с драматическими произведениями Наримана Гасанзаде—«Атабеки», «Пусть знает весь Восток», его автобиографической повестью—«Хлеб тетушки Набат». Это новые жанры для него, но я с радостью для себя отметил, что он и в них остался поэтом. Что же поделаешь? Не по своей воле Нариман Гасанзаде стал поэтом. Судьба повелела ему быть им, а от нее, как известно... не уйдешь.

Нариман—большой поэт, поэт истинный. Судьба не сладкая, но прекрасная.

Давид Кугультинов

А печаль, и радость
Ты как мир — все тебе идет,
в котором есть и ночь, и день.

Переводы Натальи Орловой

Смех, печаль ✓

Кто тебя обидел, выпрошу едва ль,
Просто весь твой облик—новым нахожу,
Расцвела в глазах твоих—чистая печаль,
Ею очарован—глаз не отвожу.

Нежности избыток, чуткости такой,
Что легко читаю думы в глубине.
Смех тебя моложе делал, а тоской
Ранена—казалась много старше мне.

Снег ли валом валит, солнце свет ли льет—
Матери-природы благодатна сень.
И печаль, и радость — все тебе идет,
Ты, как мир, в котором есть и ночь, и день.

* * * ✓

«Не заплывай, Нариман, вернись,
Ветер и волны—воруют жизнь,
И, что б там ни говорили все,
Но море—всегда есть море...»

Не бойся, отец! Если я заплыл,
Не просто волнам усмирить мой пыл,
Не просто ветру запрячь меня,
Волнам разъяренным вторя.
Другие волны подымут вой,
Меня о скалы швырнут головой,
И ураган раскроет рот,
И берег за спину упадет!

Я грудь подставил крутым волнам,
А в сердце—был свист и вой,
И не пойму, почему я сам
Льдом становлюсь порой?
Морская волна далеко уйдет,
Моя же—вскипит в душе, как прибой,
Ничем ее не утолить!
И если она меня не убьет,
Морской меня—не утопить.

* * *

Все кажется мне... будто свидимся мы —
Тоска пробирает такая,
Раздор и разлука нам будут смешны,
Что думаешь ты... я не знаю.

Все кажется мне... мой цветок неземной,
Исчезнет обида слепая,
Едва лишь появишься вновь предо мной,
Что думаешь ты... я не знаю.

Все кажется мне... что, куда бы ни шла,
Лишь мной полна ты до края,
Меня позабыть ты еще не могла,
Что думаешь ты... я не знаю.

Все кажется мне, что и жизни не быть,
Пуста мне обитель земная,
Без солнца, без милой... Коль жить —
так любить,
Что думаешь ты... я не знаю.

Радуйся

Коль жена встречает грустная порой,
Холод пробирает жизненный—всего.
—Отчего,—качают люди головой,—
И тебя ругают нынче, отчего?

—Просто жизнь такая, зря не попрекай,
Если дождь зарядит, ветер или снег,
К пересудам лучше сразу привыкай,
Так, как привыкает к стуже человек.

Град ли с неба грянет или ахнет гром,
Не печаль надолго ты веселых глаз.
Валит снег—потуже обвяжись шарфом,
И не жди, чтоб ветер перестал сейчас.

Привыкай к обидам, к бурям притерпись,
Пусть лицо пылает жаром от ветров,
Оборвут—не падай духом, но крепись,
И не соревнуйся в силе гневных слов.

И еще... не надо мучиться без слов,
Радоваться надо, горевать—не след,
Если даже много у меня врагов,
Радуйся—ведь столько у меня побед.

* * *

То я темен весь—мутней заводи,
То—прозрачней всех родников.
Хрустала сильнее сердце—и оно!—
Разлетится на сто кусков!

Я не дух святой и не каторжник,
Я отличен средь многих—но...
Прежде всех наград моих завтрашних
Наказание суждено.

Все мне верится, все мне любится,
В мире смех и плач—пополам.
Не одна она—счастья улица,
И не все ж печалиться нам!

Простите мне мою радость

Вы простите меня, дети милые,
Что не сплю я ночь напролет.
Долг зовет меня с новой силою,
Да и вам уснуть не дает.

Будто кто меня нудит строго тут,
В двери сердца стучится он,
Да порой на лист не стихи бегут,
А ночной налетевший сон.

Но поэзия восстает в тот миг,
Битва слов, звуковой поток.
Вы простите мне радость стихов моих,
Тех, что я не писать не мог.

Агава

Цветок этот белый
Я видел впервые во Львове.
Какой-то старик: «Хорошенько смотри,—
Говорил все суровой,—
Теперь уж засохнет,
Совсем пропадет, что ни делай!
Вот злая судьба!
Погляди, расцвела-то на диво,
Лет десять росла и теперь распустилась...
Зато
Как раз и умрет,
А могла прожить лет хоть сто...
Увы, до чего же природа к ней
Несправедлива...
А жаль, их ведь мало...»
И я произнес: «Эх, старик,

А нас-то—без счету?
Кого же счастливей судьба одаряла?
Вот так—расцвести,
И погибнуть легко в тот же миг!»

Перед лицом истины

Неба нет.
Земля—летающий вольно
Шар—
В извечной пустоте сплошной...
Может быть, для жизни и довольно,
Но мечте он тесен—шар земной.

Как Луна открылась нашим взорам,
Так Земля открыта для нее—
Шар бездушный,
Глобус, над которым
Ось свое подъемлет острие.

Мысль моя пространства облетела,
Я наивных чудаков зову—
Вместе с ними сердце захотело
Изумляться миру наяву.

Лунный камень—
въяве видеть можно!

Лгут—я верю!
Но не утаю—
Перед этой правдой непреложной—
Весь недоумение—стою.
Шар земной—

кружится, словно мельница,

Молодеем,
старимся,
родимся...
Повторимся мы—
и вновь изменимся,
Вновь изменимся—
и снова повторимся.

Жизнь

Если горем поделишься с бедным каким—
молча слушает, он-то привык,
Он-то знает, каково эту кашу хлебать
и какой у страданья язык,
А счастливому ты о беде расскажи—
рассмеется в ответ в тот же миг,
Он пошутит легко, он урок преподаст,
станет жизни учить напрямик.

...От силы — двое

Когда в далеком далеке поддержки ждет
больной,
К нему на выручку спешат один,
от силы двое.
Я не про тех, кто в грудь стучит, кто с ходу
рвется в бой,
Но грудью заслонит не ряд—один,
от силы двое.

Кого приветил, тот, глядишь, пропал,
как не бывало,
Будь голоден, он в тот же день наестся
до отвала,
Конечно, добрых на словах вокруг тебя
немало,
Но хлебом поделиться рад—один,
от силы двое.
Конечно, в жизни добрый друг—хорош
в любое время,
Тот, что тобою дорожит и делит жизни
бремя,
Но без разбору, Нариман, ты не делись
со всеми,
Таких, что преданы, как брат, один,
от силы—двое.

Вернись

Я не терпел еще подобных мук, поверь,
Разлуки страшный гнет лежит на каждом дне.
Я позвоню—
а ты скорей открой мне дверь,
Как счастье, ты пришла,—шагни навстречу
мне!
Услышать голос твой мечтаю и томлюсь,
Пусть не слышу я товарищей, друзей,
Пусть рядом сын и дочь, я с ними вместе
пусть,
Совсем другое ты—подруга жизни всей.

Подруга детских дней, ты—свет очей моих,
Опорою души всегда была моей.
Я поднимался—мною гордилась в этот миг,
Я падал—но с тобой вставал еще сильнеей.

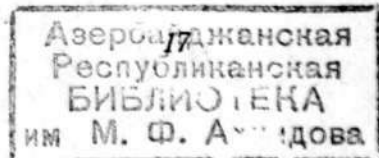
Я в солнцепек—твоей спасен прохладой был,
Зимой—твоим теплом согрет, тебя любя.
За гордость, за размах, за мой горячий пыл
Тебя благодарю, все это—от тебя!

Вернись и помогай мне жить среди людей,
За ложные шаги брани меня, кори.
«Что будет без меня с тобой»,—скажи скорей,
И горькие слова еще раз повтори.

Ты украшала жизнь, вернись в свой дом,
взгляни—
Ни окон, ни полов я не могу отмыть,
И сколько их ни тру—все тусклые они,
Как были при тебе, такими им не быть.

Печалится родня, и речи их просты:
Зайди, поешь, попей—мне говорят кругом,
Но тех любимых блюд, что подавала ты,
Найти я не могу ни за одним столом.

Молчит мое перо, и вдохновенье спит,
Вернись, я сам не свой, потерян, недвижим.

Я адрес не менял, у стен все тот же вид,
Но без тебя теперь и дом мне стал чужим.

У аистов—гнездо, и счастье, и покой,
И ласточке одной не жить в сияньи дней,
У всех живущих есть мир нерушимый свой,
Ты—мой единый мир,
в мой мир вернись скорей.

Кура течет

Судьба ласкает, гладит—вдруг с налета
Ударит злой волною вперемешку.
Ярится ветер, дождь сечет без счета,
Идет зима с весной вперемешку.

Вкушал я мед, что был мне горше яда,
Я слышал смех—и с ним рыданье рядом.
Я видел смех—под трауром наряда,
И траур—с свадебной фатою вперемешку.

Судьба попасть в меня опять не может,
Догонит, но никак поймать не может,
Прицеливается—
но стрелять не может—
Аракс течет с Курюю вперемешку.

Не могу разделить на двоих

Вот пришли среди бела дня
Наши старые друзья
И спросили у меня:
Где любимая твоя?

Сколько раз друзей моих
Принимала ты в Баку,
Накрывала стол для них,
Подливала им чайку.

Ты ходила меж гостей,
Шуткой милой веселя,
Смыслом, счастьем жизни всей
Было это—понял я.

Наши дети, вся семья...
Разговоры за столом...
Ждали счастья... Понял я,
Был счастливым этот дом.

Хоть одну мне песню спой,
Улыбнись хотя бы раз—
Милый взгляд и голос твой
Жизнью сделались сейчас.

Как я нынче одинок,
Как бессилен, сам не свой,
Что мне делать, я не смог
Разделить болезнь с тобой.

Выпрямись

Так выпрямись и прямо стой, сынок,
Пусть здесь друзья, но где-то ждут враги.
Ты вырос, сын, так будь всегда высок
Так, как бывают горы высоки.

Ты этот рост не взял, не одолжил,
Зачем же ты стесняешься его?!
Есть низкорослые, что из последних сил
Вверх тянутся из роста своего.

Чего стыдиться, не твоя вина,
Что ты в отца пошел, широк в кости.
Ты Наримана в жизни будь сполна
Не повторением—продолжением—расти.

Судьба со мной не была добра,
Не верь, коль скажут, будто рост—пустяк,
А все-таки гора—всегда гора,
Чинарой назовут не просто так.

Одно запомни, мал ты иль высок,
Средь всех друзей ищи себе под стать,
Не по физическому росту бьют, сынок,—
По нравственному целятся опять.

Я знал друзей, встречал врагов порой,
Их для тебя сумел приобрести.
Мой враг однажды встанет пред тобой,
А друга сам почувствуешь в пути.

Ты книги любишь, жизнь прочтешь еще,
Каких-каких не выпадет дорог.
Не гнишь, коль гроб мой примешь на плечо,
Держись и прямо стой под ним, сынок.

Двери остаются

Телефон этот вовсе не твой—он ничей,
Эти цифры так много запомнили рук,
Так не пыжься, не важничай, не бронзовой,
Изваяний здесь много сидело, мой друг.

Ты не думай, что ты на коне—меж простых,
Неизвестно, как время судьбу повернет.
До тебя здесь сидело немало других,
И другой это место когда-то займет.

Не гляди же сурово и брови не хмурь,
И людей не смеди понапрасну,
Не любуйся табличкой, уйми свою дурь,
Дверь—одна, а табличек—без счета.

Недосягаемая

Ты его околдовала и свела с ума,
Он от жгучего страданья стал совсем без сил.
Мне—легко, все, что имела, отдала сама,
Он—всего одной улыбки у тебя просил.

Вы—прекрасные мгновенья пережили с ним,
Ты дышала этим счастьем, помнишь? Отвечай.
—А теперь его забыла, мне он стал не мил.
Тише, тише, он услышать может невзначай.

Вдруг нечаянно, случайно сам проговорюсь,
Потому что он знаком мне слишком, вот
в чем суть.
Всем он жертвовал когда-то, разлюбила —
пусть,
Что ж его не хочешь словом добрым
помянуть?

Это ангелы лишь знают, все известно им,
Что никто руки коснуться не сумел пока.
Может, тот, кто недоступным кажется другим,
К чьим-то после точно так же падает ногам?!

Возвращайся

Ты ушла—а в сердце дрожь,
Возвращайся ветром вольным,
Вдруг уйдешь и прорастешь
На лугу—цветком привольным?

Вдруг завидев тень твою,
Журавли, что в небо взвились,
Стали звать в свою семью,
Клином длинным раздвоились?

Или в небо от меня
Улетишь звездой, блистая?
Куропаткой среди дня
Обернешься в птичьей стае?

Воду чистую любя,
Вдруг русалкой обернешься,
И с фиалкою тебя
Перепутают, дождешься.

Жди охотников с бедой—
Вдруг тебя, как утку выбьют?!
Родниковую водой
Померещишься—и выпьют?!

Ты ушла—а в сердце дрожь,
Уходи,—но возвращайся.
Птичьей стаи не тревожь,
Раньше птиц ко мне спускайся.

Я такой

Я спросил про любовь, объясни мне, что
это такое?
И она говорила в ответ: «Это верность тебе».
Жарко сердце стучит и горит, и не знает
покоя,
Оттого ль, что желанье—как сильное
пламя в судьбе?

Я снова здесь...
Прошло немало лет,
Кура на миг свое бег не прерывала.
Но нет тебя!

Переводы Геннадия Калашникова

Увидеть бы вас...

Я снова здесь...
Бежит, как встарь, Кура,
Среди камней гремит ее течение.
Уже давно, а кажется—вчера
Я здесь прочел свое стихотворенье,
То первое...
Казалось мне—слова
Сияют странным незнакомым светом...
Ах, мама, мама!
Ты жива была.
Как было лаской все твоей согрето.
Из глаз твоих
Скатилась вдруг слеза.
А я не знал,
Что так тебя тревожит.
Ты прошептала, глядя мне в глаза:
—Какое горе, что отец не дожил...

Я снова здесь...
Прошло немало лет,
Кура на миг свой бег не прерывала.
Но нет тебя!

Тебя со мною нет!
Мне говорят—вот мать бы увидела...

Я сирота.
И мир вокруг пустой!
Я видел все—и радость, и обиды.

Отец мой! Мама!—говорю с тоской,
—Хотя б на миг мне вместе вас увидеть!

Долг

Пока ты девочкой была,
Был мир беспечен твой.
Как в невесомости плыла
Над грешною землей.

Был весел смех,
Недолго плач,
Легко летели дни.
Был шар земной, как звонкий мяч,
Кипел огонь в крови.

Чудесных дней цветная нить...
О чем еще мечтать?
Чтоб за экзамен получить
«Четыре» или «пять»?

А ныне новая заря
И новые мечты:
Цветущей веткой миндаля,
Невестой стала ты.

Как детство ныне далеко,
Мир стал иным опять.
Тебе обычай веков
Иную дали стать.

Все, чем гордится наш народ,
Теперь в твоей судьбе,
Ты станешь матерью, и род
Продолжится в тебе.

Склонится все перед тобой,
Ты жизнь несешь сквозь время,
И он теперь, избранник твой,
В ответе перед всеми.

Широк твоей судьбы размах
И доля высока.

Всех мать носила на руках,
Несла через века,
Наперекор усильям тьмы,
Сквозь зной и сквозь пургу.

В долгу пред женщиною мы,
Пред матерью в долгу...

Дитя и мать

И двое их...
И целый мир кругом,
Несущий света ласковые волны.
И хоть один не ведает о том,
Заранее он радостью исполнен.

А женщина—
Как в воздухе плывет.
За что такое счастье мне?
Откуда?
И материнства таинство ее
Всю озаряет, словно отблеск чуда.
Он рядом здесь,
Он словно дальний зов,
Неясное, счастливое томленье.
Руками чувствует дыхание его,
И на лице улыбка изумленья.
Все впереди...
Жизнь радости полна.
Дитя родится—дочка иль сыночек,
И для него—вселенная она,
Добра и ласки сладостный источник.
Она его земля и небеса
И за него любые примет муки.
Все для дитя—
И сердце, и глаза,
И грудь ее набухшая,
И руки.
Дитя и мать—
Ведь в мире больше нет,
Прочнее и надежнее единства.
Девичества и женственности свет
И таинство святое материнства.
Любовь над миром—ясная заря,
Распахнута, светла и бесконечна.
Плывет округлая,
Как женщина, Земля,
И длится жизнь...

Да будет так навечно!

Совладельцы

Мой стол рабочий занял он,
Нимало не смущен.
И книги, что читаю я,
Читает также он.

Со мною рядом бродит он,
Взрослеющий мой сын.
Мою рубашку он надел
И взял мои часы.

—Отец, прости...—
Он говорит крепчающим баском.
—Сынок, да что ты,—
Говорю,—слова твои о чем...

—Отец, прости...
—Твоя сестра,—я говорю в ответ,—
Кольцо у матери берет,
Берет ее браслет.

И тоже,
—Мама,—говорит,—твое взяла, прости...
Как незаметно
Вы с сестрой сумели подрасти.

Мою походку, смех и взгляд
Себе ты взять уж смог,
За них прощенья у меня
Не просишь ты, сынок.

Да и сестра уже давно
Взяла разлет бровей,
И гибкий стан, и звонкий смех
У матери твоей.

От века так заведено,
И жизни в том закон—
Она всегда спешит вперед,
Не ведая препон.

Так за зимою вслед весна,
Так свет встает из тьмы.
И смотришь, ваше уж давно
То, чем владели мы.

Так время движется вперед,
Ступень, еще ступень...
Мы—день сегодняшней,
А вы — грядущий, новый день.

В подземелье

Мусе Джалилю

Закрыв глаза—и даль пред ним открылась,
И ввысь повлек широких крыльев взмах,
Там свет сиял, там жизнь людей вершилась,
Открыл глаза—какой кромешный мрак...

Березы

В Белграде на могилах советских
воинов растут березы

Выстроились, белея,
Стройно и величаво,

Ветви свои плакучие тихо роняя вниз...
На берегу Дуная
И рядом с теченьем Савы
Сколько друзей я вспомнил,
Сколько имен и лиц.
Кто он был и откуда,
В светлой тени лежащий,
Спящий в краю далеком
Вечным солдатским сном?
Сыном он был и мужем,
Бойцом он был настоящим,
Родненьким был, любимым,
Защитником и отцом!
Время здесь поседело.
Здесь поднялись березы,
Ростом своим означили
Тех, кто здесь воевал.
Листья берез трепещут,
И набегают слезы...
Каждый солдат березою,
Белой березой стал.
Листья берез трепещут,
Словно поют о России,
Словно шепчутся с теми,
Кто их помнит и ждет.
Гордо стоят березы,
Небо над ними синее,
Вечен этот высокий,
Солнечный небосвод.
Пусть тишина продлится,
Минуют пусть Землю грозы,
Дети пускай смеются,
Звонко поют ручьи...

Строки эти—солдатам,
Строки эти—березам.
Сердце мое здесь плачет,
Плачут стихи мои.

Жизнь

✓ Все дни проходят в поисках строки,
Смеюсь или грущу—мотив далекий зреет.
Раздумий тяжек груз и мысли нележки,
Быть может, груза нет на свете тяжелее.

Мечты меня томят...
Как быстротечны дни...
Томлюсь я, как больной томится о здоровье.
Я жить хочу в ладу с достойными людьми,
И с ними вровень стать—судьбы моей
условье.

Я знаю, что судьбу непросто отыскать.
Не раз сорвешься вниз.

И обожжен тоскою,
Бывало так,—и я лукавил, что скрывать,
Не лгал,
Но правды всей не говорил порою.

Любовь пришла, светла,—и сам
я светом стал.

И счастлив тот, кому дана такая милость.
Но даже о любви я о своей молчал,—
Глазами говорить порою приходилось.

Ведь слово, как огонь и горячей огня.
Кто правду говорит—что ждет его, не знает
Друзья, и те не раз дивились на меня:
Ведь правду, как стихи, не всякий понимает.

Учился долго я, жизнь—труд, не фейерверк,
Но даже здесь порой игра идет без правил.
Трудом всего достиг, шел по ступенькам
вверх,
Других же лифт туда в мгновение доставил.

А дни—они идут,
Жизнь тянется как нить.
Растерянно стою, досады я не скрою.
Так что же мне теперь, прикажете—ловчить,
Да и других учить слегка кривить душою?

Где надо твердым быть, там мы порой нежны,
А нашей жизни дни—увы!—не бесконечны.
И ловкость, и расчет, наверное, нужны
Не меньше простоты и ясности беспечной.

Ты можешь крепким быть, как сталь
или алмаз,
Иль ласковым, как шелк,
Струиться, колебаться

Но если упадет хотя б один из нас,
Ты должен в тот же миг помочь
ему подняться.

После...

Дней суета, забот немолчный рой
Гудят лавиной, горною рекою.
Хочу я одиночества порой—
Чтобы немного отдохнуть душою.

Как я устал, нелегок этот путь.
Я жажду отрешиться, отдохнуть.

А дни идут, летят как легкий дым
Или как птиц стремительная стая,
И сам себе я делаюсь чужим,
И вновь об одиночестве мечтаю.

Забвенью одиночество несет,
Я в нем найду души своей оплот.

Я одинок. Угас душевный пыл,
Я счастьем по-младенчески исполнен.
О ветре и дожде давно я позабыл.
О сердце и душе я ничего не помню.

О, одиночество! Оно меня спасет...
Так что же мне покоя не дает?

Какою скукой полон каждый день?
В крови звучит неясное томленье.
Мое спокойствие—да это просто лень,
А беззаботность—просто преступленье!

Меня погубит этой жизни тлен,
И одиночества томительнейший плен.

Я позабыл о собственной судьбе,
Биенье сердца—этом щедром даре.
Ну нет! Я вновь мечтаю о борьбе,
Своим врагам я снова благодарен.

Я долго одиночества искал,
Но я всегда по людям тосковал!

Я жажду жизни, гула бытия,
Среди людей, в огромном их потоке.
И лишь в борьбе бываю счастлив я,
Здесь творчества могучие истоки!

А одиночество—лишь отдых на пути,
Вперед, все дальше должен я идти.

Иди вперед, не требуя наград,
Не избегай мучительных нагрузок.
Слабеют силы, если нет преград,
И мир вокруг—бесцветен, вял и узок.

Коль каждый день проводишь ты в борьбе,
То жизни смысл откроется тебе.

Иди, сражайся у забот в кольце.
Бойцы пощады никогда не просят.
Великие сраженья лишь в конце
Великие победы нам приносят.

Природа

Природа не знает пощады,
Бесстрастна, спокойна, строга...

Смотри, как прошелся по саду
И рощице злой ураган.

С небесной сорвавшийся кручи,
Прошел, прокатился стремглав,
Смяв волосы ивы плакучей
И руки дерев изломав.

Деревья, что долгие годы
Росли здесь, остались без крон.
Бесстрастно взирает природа
На этот немалый урон.

Дала она воздух и воду
И солнечный свет, и тепло.
Кому, непонятно, в угоду
Творит над собою же зло?

Вновь мглою задернуты дали,
Свинцовые тучи растут.
Те руки, что щедро давали,
Они же и все отберут.

Но нет, не пустая нелепость,
И в буре есть истинный смысл:
Она испытала на крепость
Деревья, что здесь разрослись.

Ломался под яростным ветром
Побег, что изнежен и слаб,
Стояли упорно и крепко
И дуб величавый, и граб.

Не сломлена ветром и градом
С косматой вершиной сосна.
Природа не знает пощады
И злобы она лишена.

Пусть ветры свистят надо мною,
Пусть силу узнают мою.
Погибну, коль слаб я душою,
Коль духом силен—устою!

Перед статуей Николая I

И замер я, увидев облик темный,
Глаза застлал мне ярости туман.
На плечи лег,
Как камень неподъемный,
Расколотый,
Родной Азербайджан.

Копыт зловещий слышится мне цокот,
Что за угрозу прячет он в себе?
С руками, обагранными по локоть,
Куда коня
Направит царь теперь?

Так едет он...
Он словно ворон кружит...
И злая воля в нем воплощена.

Какой земли судьба опять оружием,
Неправой силой будет решена?..

Сараево, Баку...

Сказал он:

Сараево—рай на земле,
Здесь волны Дуная бегут в серебре...

Сказал я:

Мы были бы с вами согласны,
Но только огни Апшерона прекрасны.
И рай на земле—я вовек не солгу,
Наш город у моря—
Чудесный Баку.

Сказал он:

Я лучше краев не видал,
Здесь воздух прозрачен, прозрачна вода.
А люди какие, достоинств не счесть.
Красавица каждая девушка здесь.

Сказал я:

Напрасно я хвастать не буду,
Но девушки наши подобны лишь чуду,
А юноши—надо еще поискать!—
Такая у каждого поступь и стать.

Сказал он:

Здесь высятся древние храмы,
В них время застыло, хранится в них память
Веков, и на стенах старинный узор
Смысл древних обрядов хранит до сих пор.

Сказал я:

Поверьте, в Баку есть мечети,

Дошедшие к нам через много столетий.
И зданья, что ныне стремительно строят,
Соседей мирно с седой стариною.

Так спорили мы, проходя вдоль Дуная.
Сараево—сказка, я это признаю.
Но разве унять мне печаль и тоску—
Далекий Баку! Мой прекрасный Баку!

Сравнить красоту городов мне дано.
И оба прекрасны—а сердце одно!

Первый шаг

На каменном тротуаре в Сараево—сохранены следы юноши, стрелявшего в австро-венгерского принца Фердинанда

Шагов его на камне виден след—
Шагов к свободе отпечаток сохранился.
Светил ему Отчизны яркий свет,
Он всей душой на этот свет стремился!

Отвага—вот начало всех начал,
Ей нет цены, она на первом месте,
А коль народ отвагу потерял,
Лишился он достоинства и чести.

Не следует об этом забывать,
История не знает перерывов.
Зачем слова напрасные терять,
Здесь тишина всегда красноречива.

Здесь чувствуешь истории размах,
Звучит в душе неясная тревога.
Как труден он—
Тот самый первый шаг!
Труднее, чем далекая дорога.

Мустаю Кариму

Сараево мы вместе обошли,
И мелкий дождь спешил вослед за нами.
Нас за собою улицы вели,
Векам свидетель—в стенах каждый камень.

Поэт Башкирии, со мною рядом ты,
И я, порой про город забывая,
Смотрел, как ты, в плену у красоты,
Шагал вперед, ничуть не уставая.

Мустай Карим—известный всем поэт,
Глядел вокруг, захвачен красотой:
—Вот там мечеть и стройный минарет,
А там Дунай блеснул голубизною.

А там дворец, как росчерком пера
Из снов и грез в единый миг изваян.
Друг другу скажем:
—Кажется, пора
В гостиницу...—и дальше зашагаем.

Мне думалось: далекая страна,
Чужой язык,

Старинные преданья...
А красота—доступна и ясна,
Волшебна и полна очарованья.

И ты, наверно, думал тоже так
О красоте, ее высокой силе.
И мы вдвоем, не умеряя шаг,
Почти всю ночь по городу бродили.

Лирический отрывок

Коль в дороге столкнешься с бедой неминучей,
даже с тенью беды—сразу вспомни меня.

Если солнце закроют тяжелые тучи,
пусть на миг, но закроют, то вспомни меня.

Если песня вдали и грустит, и тоскует,
в ней мой голос чуть слышный,—ты
вспомни меня.

Если утренний ветер твой лик поцелует,
в нем мой вздох о любимой—ты
вспомни меня.

Если розов восход, а закат пламенеет,
мое сердце пылает—ты вспомни меня.

Если солнечный свет и ласкает, и греет,
а меня уже нет—Вспомни! Вспомни меня!

Я жду тебя

Я здесь один... Какой тоской зловещей
Сжимает сердце, голова в огне.
Ты одиноко...—мне словно шепчут вещи,
Ты одиноко...—напоминают мне.

Дотронусь ли до чайника рукою,
И рук твоих теплом уже объят,
Возьму гребенку—и глаза закрою,
Твоих волос в ней дышит аромат.

Глаза закрою—ты как будто ближе,
Глаза открою—так далеко ты.
Как наяву твою улыбку вижу
И пестрой шали яркие цветы.

Порхает имя в комнате как птица,
Вокруг меня летает и звучит.
И сердце ждет, мучительно томится,
И книга недочитана лежит.

Я жду тебя... Пойми мое страданье.
Я жду тебя... Идут за днями дни.
Вся комната застыла в ожиданье.
Приди скорее. Жизнь в нее вдохни.

Разговор ни о чем

Мной очарована,
Я ею изумлен.

Мы говорим,
И все как будто мало.
Уже устал, наверно, телефон,
Бегут часы,
Уж полночь миновала.
Наш разговор...
В чем смысл его и суть?
И не поймешь—
Он внешне так несложен...
Так, ни о чем.
—Скажи мне что-нибудь...
Она в ответ:
—И ты скажи мне тоже...
Любовью движим мир.
Слова ее легки.
Вот-вот рассвет в ветвях,
Как птица, шевельнется.
Мы говорим,
Послушать—пустяки.
И страшно так—
Вдруг разговор прервется!

* * *

Ты как звезда взошла в моей судьбе.
Какая радость видеться с тобою.
И без тебя—все мысли о тебе.
Как это чувство от тебя я скрою?

Какое счастье—на тебя взглянуть!
Какая мука—прятаться, таиться!
Мне эта тайна разрывает грудь,
Душе свободно хочется излиться.

Я б не желал такого и врагу...
Заговорю—молчать уже не в силах.
Но я молчу—открыться не могу,
Ведь ты другому сердце подарила.

Признание

✓
Нам не надо встречаться,
Я твердил постоянно,
Нам не надо встречаться—
Заклинанье, мольба.
Ни открыто, ни тайно,
Ни во сне, ни случайно...
Так зачем же нас снова
Столкнула судьба?
Как все было прекрасно,
Как сегодня все сложно...
Улыбнись издалека
И рукою взмахни.
Я застыл словно камень,
Сердце сжалось тревожно,
Разве можно вернуться
В те далекие дни?
Время мерно уходит...
Время ранит и лечит,
Мы молчим, вспоминая
Свет ушедшего дня.
Я—другой, ты—другая,
Так зачем эта встреча,
Если мы только смутно
Помним прежних себя?

Я—другой, ты—другая,
Мир вокруг изменился.
Звуки, краски другие,
Солнце, ветер и свет.
Время нас разделило,
Время нас изменило.
Нас с тобою, тех прежних,
В этом мире уж нет.
Пусть мы вновь
Повстречаемся вечером летним,
Пусть мы снова
Взлетим в небывалую высь.
В те прошедшие годы
Я вернусь, не помедлив,
И тебя умоляю—
Если можешь—вернись!
Все, что было со мной,
Без тебя—позабуду.
Сердце бьется как прежде,
В те давние дни.
Я постиг, что любовь—
Лишь преддверие чуда.
Настоящее чудо—
Верность первой любви.

Не зная

Безмятежен сон твой,
Не пророчит
Бед тебе в грядущем свете дня...
Женщина тебя обидеть хочет
И везде преследует меня.

Ее речи
Притупили нервы,
Оплели сознание мое,
Хоть и знаю: буду я не первым,
Да и не последним у нее.

Ее голос ровным не бывает.
Злобой иль обидою звенит.
Всех мужчин она подозревает.
Женщин всех осудит, обвинит.

Кто ее жестокой шутки ради
Обманул бездушно,
Оскорбил?
Радость не успев свою растратить,
Зло глядит она на этот мир.

Что сказать? Нет участи тоскливей,
Дни ее—осенняя листва,
Для нее я чересчур наивен
И неправ, она ж всегда права.

Коль упал,
Попробуй встать и смело
Отыскать надежный, честный путь.

...На меня решила ставку сделать,
Хочет вновь себя же обмануть.

Лестница

Всему свое время.
На все есть причины.
Огромная лестница вся наша жизнь.

Приветлива к тем,
кто шагает к вершинам,
Сурова к тому,
кто спускается вниз.

По ней мы проходим
Меж мраком и светом.
За каждой ступенькой—
ступенька видна.

Мы с нею столкнулись на лестнице этой—
Я вниз проходил,
Вверх спешила она.
Ей вверх,
А мне вниз—

повернуть невозможно,
Над этим законом—судьба не вольна.
Друг другу в глаза поглядели тревожно,
И вниз я шагнул.
Вверх шагнула она.
Ей брезжил восход в величавых вершинах,
В закат опускал я усталый свой взор.
Ей вверх,
А мне вниз—

так судьба порешила.
И мы не видали друг друга с тех пор.
Но давит тоска,
И печаль сердце гложет.
Чем дальше иду —

тем сильнее и сильнее.
Уж лучше б мне раньше пройти
Или позже,
Но только б не встретиться с ней.

О, как глаза его пустынные,
Когда он молвит: «Палестина!»
Один, как спутник на орбите,
Чьей нет пристанища
Обиде!

Переводы Виктора Максимова

Песни Палестины

*Палестинскому поэту Махмуду
Дервишу.*

Махмуда — «дервишем» зовут,
Без родины поэт Махмуд.
Тоскою по родным краям
Пороховую
Опален,
На дни поэзии к друзьям
В Сараево приехал он.
О, как глаза его пустынные,
Когда он молвит: «Палестина!»
Один, как спутник на орбите,
Чьей нет пристанища
Обиде!
Но разве трудно мне,
Махмуд,
Понять, как слезы
Очи жгут,
Когда пытаешься, поэт,
Воспеть страну, которой нет?
О, разве позабуду я,

Как ты улыбку погасил,
Когда я адрес у тебя,
У палестинца попросил!..
Как долгие взор скитальца вдаль...
Вот он встает —
Стихи в руке —
И темным облаком печаль
Проходит по его строке.
В моих глазах темнеет свет,
И молния мне душу рвет!
Но переводит дух поэт,
И улыбается поэт,
И на друзей глядит поэт,
И о надежде песнь поет!

Тому,
О чем Махмуд поет,
Не требуется перевод...

Низами в Европе

В герцогстве Люксембург,
у Советского посольства
воздвигнут памятник
гениальному поэту Низами.

Труд скульптора, Земля, благослови!
Дай всюду совершенному свершаться!..
Встал Низами на постамент любви.
Я понял: это счастье — возвышаться.
Вопрос туриста мне перевели:
— Что создал он?
— «Ромео и Джульетту» —
Задолго до Шекспира пару эту
Назвал поэт Меджнуном и Лейли!
Бессмертный мост повис над бездной лунной
И с двух сторон звучит немолчный стих:
То наш Меджнун и ваш Ромео юный
Через века зовут подруг своих...

Где Люксембург и где моя Гянджа!..
Поэт не покидал ее ни разу,
И вот стоит, «Хамсе» в руке держа,
Стоит и смотрит в сторону Кавказа.

История нам руку подает:
День нынешний оценивая взглядом,
Поэт, которому уже за восемьсот,
Стоит в Европе
с земляками рядом.

Айнур

Все шестнадцать вражеских фигур
Покорятся маленькой горянке!..
В королевстве Бельгия

Айнур

Вновь царит на королевском фланге!
Ты неукротима, как Кура
Дочь азербайджанского селенья!
И твоя игра,

а не чадра

Бельгию приводит в изумленье.
Ах, какая грация в игре!
Как горяч твой белый конь в атаке!
Ты, Айнур, чинара на заре
Над Курой,

когда пылают маки!

Ты Европе говоришь «салам!»
И во имя дружбы и прогресса,
В старом королевстве

королям

Объявляешь «мат», моя принцесса!..

Ковер, сотканный моей мамой

Руки моей мамы сотворили ковер,
Что лежит в королевском дворце на полу.
Я смотрю на ковер и туманится взор:
Вижу маминны пальцы, а в них пиалу.

Вижу юных красавиц на травах Куры
В древнем танце, который у нас не забыт.
Вижу трав и цветов пестротканых мира,
И живую пчелу, что над ними кружит.

Этот мудрый узор под ногою твоей,
Иноземец, — загадка Востока сама.
Слушай мой перевод: молодой соловей
Сводит алую розу Ширвана с ума.

В узелках неразрывных сплелись навсегда
Ликованье и горе, вода и вино,
Но душе, что не знала нужды и труда,
Этой азбуки вечной постичь не дано.

Красоту сотворивший не алчет даров,
Имена мастеров скрыл забвенья туман!..
Есть один только автор у тысяч ковров:
Наша древняя родина — Азербайджан.

На ковер наступают опять и опять,
Все идет и не видят ковра моего!..
Как хотелось бы с пола мне чудо поднять
И повесить с картинами рядом его!

Сколько красок вместил восхищения сад?
У земной красоты сколько в мире имен?

Если Рубенсу ты поклоняешься, брат,
То отвьсь и коври под ногами поклон.

Я свою Красоту в этом мире ишу,
И провидя святые бои впереди,
Против своры слепцов встать стеною хочу,
Так, чтоб мамин ковер был, как щит на груди!..

Рашид в Брюсселе

«Постарел я... одна у меня
мечта... увидеть, как вернется
мой единственный сын Мирза
Рашид, изучающий в Европе
инженерные науки, самому
устроить ему свадьбу».

М. Ф. Ахундов

С памятными словами на стенку доска не
прибита,
И покуда экскурсию гид безразличный ведет,
Я хочу угадать коридоры и парты Рашида,
У какого окна он стоял и смотрел на восход?

Здесь глаза у него по-отцовски надеждой
горели.
За ученье заплачены царской чеканки рубли,
Чтобы веянья века познал в многошумном
Брюсселе
Он — единственный сын дорогого
Мирзы Фатали.

То, что я ощущал, не назвал бы я чувством
потери,
Обретал я надежду, что время лишится
преград,
Как столетье назад, распахнутся тяжелые
двери,
И шагнет мне навстречу Рашид, мой товарищ
и брат.

Но, должно быть, испортилось что-то в
бельгийской природе:
Не хотела сбываться мечта в этой части земли!
Шли навстречу девицы, одетые в джинсы
по моде,
Бородатые хиппи по мраморной лестнице шли.

Прежде я не бывал в этом сытом краю
континента.
Так о чем же душа так светло и знакомо
грустит?
Нет, не только о странной судьбе молодого
студента...
Да поймет понимающий то, что строка не
вместит!..

Да поймет меня спутник, что дело не в слезном
надрыве!
Да поймет меня сын, да поймет меня друг и
сосед,
Да поймут меня все, кто хоть раз находился
в отрыве
От родного Баку, от земли, где родился
на свет!

Целый век пролетел! Карты мира, и те
изменились!..
Хоть один бы намек о Рашиде! Хотя бы один!..
И, потомки твои, мы, во имя твое поклонились
Тому зданию, уstad, где грустил и смеялся
твой сын.

Моя история

Пережила тысячелетья фраза...
Далекую историю свою,
Суровую историю Кавказа
По древним книгам Рима познаю.

Полны печали фолианты эти.
Была от века Родина слышна! —
Еще до Геродота на планете
Перевирались предков имена.

И грабили земли моей богатства
Цари да ханы, шахи да князья.
О, сколько раз нам «равенство» и «братство»
Сулили ненасытные друзья!..

Нас варварами окрестил историк.
Скажи, Плутарх, но дик ли тот народ,
Чей взор на отчий край с рожденья горек,
И он подростком в руки меч берет?

Был предок мой,
имея дом, — бездомен,

Был грешен в том,
что не желал грешить!..
Да, Рим был просвещен, а край мой — темен,
Но кто исчез, и кто остался жить?

Не покорился яростным набегам,
До сей поры, как Каспий, не умолк?..
Шуршат страницы книг,
и век за веком
Рим возвращает память мне как долг.

И к вам хочу, историки, воззвать я:
В той памяти,
где войнам нет числа,
Историю свою ищите, братья! —
Она цветами славы поросла.

Потоки смолы кровью
Минской сечи —
Все белорусу быть в огне, в золе
Хатынской...

Переводы Ольги Ермолаевой

Город, горящий во сне

Белорусской девушке Л. Давидовской.

Всемирной славы здесь сыны достойны,
А женщинам — хоть памятники ставь.
Рассказывала дочь, как беспокойна,
Ранима мать...

Словно пред нею вьвь
Проходит строй кровавых лет военных...
(Дочь говорит, сама горит в огне.
Прошла улыбка, а печаль бессменна) —
— У мамы Минск еще горит... во сне. —

У девушки в глазах — печаль и прелесть,
А в сладком смехе — звон и грусть стоит —
Вот что, когда внимательно всмотрелись
Мои глаза, — увидел я...

Простит
Красавица из Минска эти речи...
Сойдутся поколения на земле,
Потоки смолы кровью гигантской сечи —
Все белорусу быть в огне, в золе

Хатынской...

Оставались невредимы
Любовь да верность в страшной той войне...

Сражен мой ум красой непобедимой
Твоей, о город, что горит во сне...

Молчание поэта

Не думайте, что наделен терпением,
Что знаете мол, где прошла беда...
Земля везде, где есть захороненья,
Кричит — прошла фашистская орда!

Здесь я молчу — земля заговорила.
Такой земли, как эта, не видал.
Из-под земли скорбящей пламя взмыло,
И каждый факел, словно знамя, ал.

Огонь во всей вселенной утвердился,
Как будто факел землю подожжет.
Вот горизонт... на почву опустился —
Здесь солнце словно из земли встает.

Печаль рукой холодной беспрестанно
Пронзает грудь... Кто прорыдал сейчас?
Да, это я — поэт Азербайджана,
Но белорус во мне кричит сейчас.

Могилы да курганы в тихих травах...
Какой урок здесь жизнь преподает!
По всем погибшим белорусам траур
Поэта —

ты, молчание мое...

Поэт

Поэты, песенники были в каждом крае,
Во славу народа стих слагал каждый
Вот только у белорусов не было поэта.
Пусть хоть Янка Купала станет первым поэтом.

Янка Купала.

Мне колыбельную пели с любовью,
Наши баяты¹ я с детства впитал.
Стих на кинжалах, стих на оголовье²
Тысячью рук мой народ начертал.

Сила огня шла в поэзию нашу,
Слух о ней несся к пределам земель.
Даже в раскопках открытая чаша,
Даже ковер — ее отблеск имел...

О, как поэту всегда мы внимали:
Встреча веков, окликанье сердец...
Мы на земле, мы на камне писали —
Стих стал святым, как земля, наконец.

Только теперь осознал я, что в жизни
Вот что обязан поэт затвердить:
Голос безжизненный он — без отчизны.
Ей без поэта — бесславною быть.

¹ Баяты — народные песни.

² Оголовье — (спец.) — уздечка со всем прибором, а также ремень уздечки для верховой лошади.

История земли

Однажды старику сказали:
«Ты укажи такое место нам,
Где прежде бы сраженья бушевали,
Где кровь лилась...»

Задумали бойцам

Погибнувшим —

курган мемориальный,

В него и ляжет почва та, старик...»
Ответствовал старик: «Земли печальной
Зачем искать?»

На башмаках своих

Вы носите ее...

Кусочек дерна

Откиньте — и увидите ее...»

...И впрямь, когда копали — срез упорно
Являл сперва свинец, потом копье.

Да, в каждом веке — поливался кровью
Клочок земли... Однако ни курган,

Ни горькое могильное надгробье
Не встали, как пометы страшных ран...

Молчал старик, века перебирая,

Пласты времен, незримые, текли

Пред грустным взором...

Все молчал, листья,

Печальную историю земли.

Девять миллионов и раненые деревья

Белорусской поэтессе Евдокии Лось

В моей душе — сто чувств, фантазий сотня,
В ее душе — иной мерцает свет.

Спросил ее: — А сколько вас сегодня? —
— Нас девять миллионов, — был ответ.

Спросил еще я ласковый тот голос:
— А все ль в лесах деревья сочтены? —
Смеется мягко... Вот еще, мол, новость...
В лице — очарование весны.

Повисли годы тяжкие на плечи
Мои,

и озаренье вдруг пришло:

По партизанам били, лес увеча...
В лесах деревьев столько полегло!..

Теперь взошла там поросль молодая,
Земля все время — точно на сносях.
Но дерево одно, не исторгая
Осколка,

все еще живет в лесах.

Никто не облегчал его страданий —
Лишь солнце свой бальзам на раны льет,
Да вот еще туман на зорьке ранней,
Как голубая марля обовьет...

Вот памятник всем елям, вязам, кленам...
Постойте перед плачущим от ран,
И к девяти прибавьте миллионам —
Израненных деревьев-партизан.

Крик Хатыни

Лишь легкий ветер вдруг лица коснется...
Здесь каждым сердцем был оставлен стон...
Что от семей, от гнезд их остается?—
На мраморе — безмерный свод имен.

Здесь скорбь тяжелый испускает свет.
Есть луг Хатыни — но травы там нет!
Есть комната — вот человека нет.
Есть и очаг — только огня в нем нет!
Могила есть — но без надгробных плит...
И уж не та земля кругом лежит...

И воздух не такой, как в сорок третьем,
Но рвать цветы, искать грибы в лесах —
Уж пятое нейдут десятилетье.
Девчонки...
Здесь лежит их бедный прах...

Я обошел — в душе печаль и ярость! —
Хатынь — всю от начала до конца.
Как жизнь минут безмерно удлинялась
С войны начала — до ее конца...

И колокола звук с великой грустью
Со звуком перекликнуться успел:
«Ты... жив?» — Легит над горькой Беларусью —
«А ты... ты... ты?...» — «Нет... я сгорел...
сгорел...»

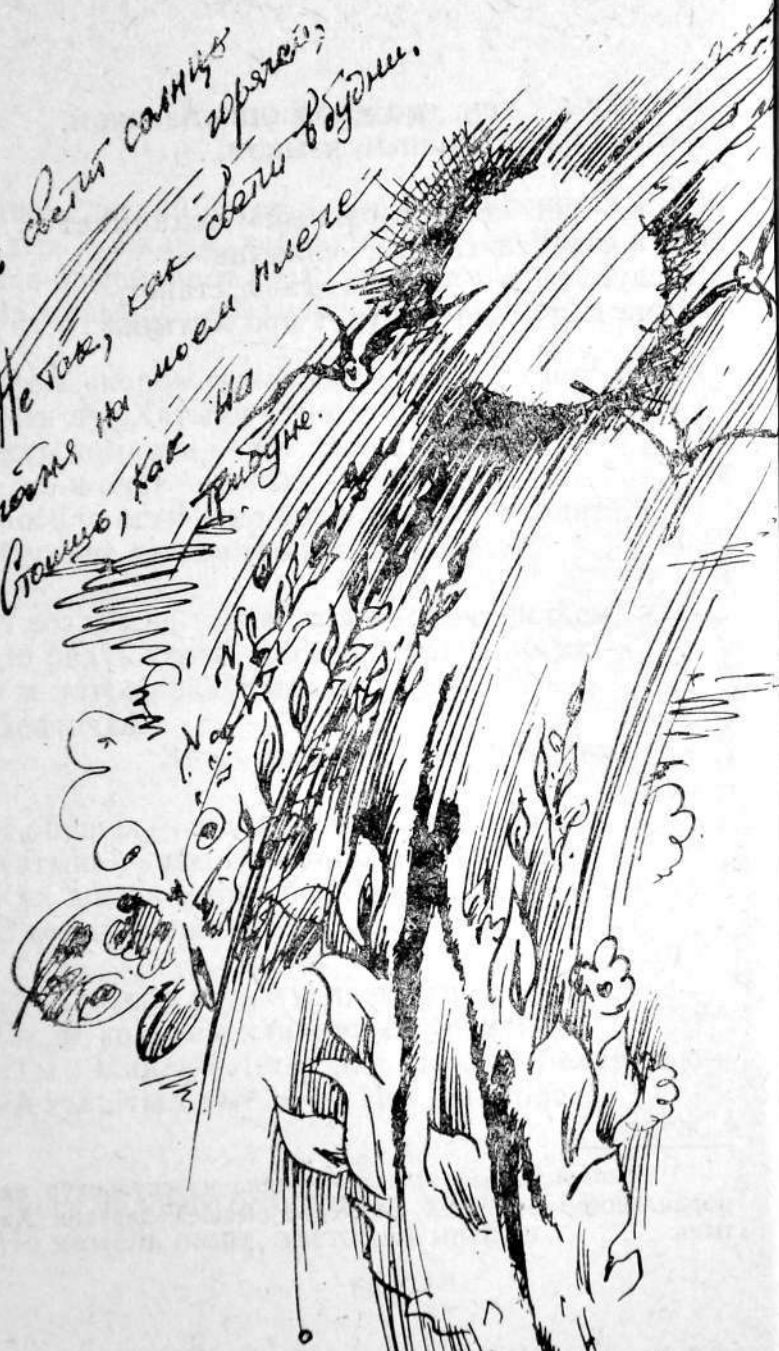
Здесь человек безмолвной камня стал, —
Но камень ожил, застонал металл...

И цифры, с тем, кто с ними стал знаком,
Заговорили страшным языком...

Слов — нет. «Непокоренный»¹ поднимает
Дитя свое, святыню из святынь —
Предупреждая: мир Хатынью станет,
Когда вдруг мир забудет про Хатынь!

¹ «Непокоренный человек» — одна из скульптур мемориального комплекса на месте бывшей деревни Хатынь.

Пусть светит солнце
Не так, как светит в будни,
Сегодня на моем плече
Стоишь, как на трибуне.

Переводы Онегина Гаджикасимова

Сыну

Пусть светит солнце горячей,
Не так, как светит в будни.
Сегодня на моем плече
Стоишь, как на трибуне.

Не знаешь ты лихих годин,
Ни зла, ни лжи, ни лести.
Не дам тебе упасть я, сын,
Пока с тобой мы вместе.

А время быстро утечет.
Длиннее станут тени...
Трибуной может быть плечо
Лишь несколько мгновений.

Пока ты мал, оно тебе
Надежда и опора.
А дальше сам в своей судьбе
Стоять ты должен твердо!

Лесная дорога

Эльчину

Ты сказал мне: «Осторожно! Это — горная
дорога.

Не осилив перевала, мы заблудимся в лесу».
Я ответил, что природа наказать нас может
строго,
Если мы хоть раз нарушим эту дивную красу.

...Вечер темными крылами в лес загадочный
всплывает.

Узаконила природа сложный свой круговорот:
Летом всех нас раздевает, а зимою одевает,
А с лесами и горами все творит наоборот!

Ты сказал, что изменился этот мир не без
причины.

Постепенно отдалился от природы человек,—
Словно связь времен прервали, не связать их
воедино, —

Прирасти к стволу не может бурей сломанная
ветвь...

Я сказал, что наши деда, вероятно, позабыли
То, что тигр коварный хищник, что орел убить
готов...

А иначе — разве оба этих хищника могли бы
Стать главнейшим украшением изречений и
стихов!

У поэтов древних в песнях, как бы о природе
строки.

Оды тигру, оды шаху. В чем же кроется
секрет?

Преклонялося искусство перед силой на
Востоке.

И другого объясненья здесь не может быть и
нет!

Вот я слышу возраженья, вот я слышу
кривотолки:

Дескать, я поторопился делать вывод наперед.
Насими притом припомнят, — жил он тоже на
Востоке!

Я и сам поэт восточный, коль об этом речь
идет!

Так мы шли. И чем длиннее были речи, тем
короче

Становилася дорога. Говорил то я, то он...
Тень на лес бросало древо, тень чернее
темной ночи.

Лес громадной своей тенью закрывал весь
небосклон.

И сказал я осторожно: «Поспешим, но не
подумай,

Что я стал чужим природе». И, немного
погодя,

Ты ответил: «Погуляем...» и объят был тайной
думой

О природе, впрочем, той же самой думой, что
и я!

Перевод Сиявуша Мамедзаде

Без тебя

Памяти Р. Расулбекова

Ты ушел... И душа, и опора семьи.
И грустит дорогая Хейт без тебя,
И умолкли веселые речи твои,
И расстроился радости лад без тебя.

Твой портрет источает улыбчивый свет.
Плачут дочки твои, но смеется портрет.
Осень стелет листву, шлет прощальный привет.
И далекий, и близкий скорбят без тебя.

Седовласый отец с чистой детской душой!
Где ты, мать, где отец? Окропите слезой!
И торжественно гроб твой плывет над толпой,
Дни летят, и шумит листопад без тебя.

Ты, как птица, внезапно из рук улетел,
Нет скончанья у вечных разлук... улетел...
Сын Джумшуда Гусейн — добрый друг —
улетел...

И беседы отныне горчат без тебя...

Ты был сыном Земли — колыбели веков,
Ты был сазом, чей голос и дремен, и нов.
Полководец победных отважных полков,
Строй солдатский печалью объят без тебя.

Нас утешит тобою оставленный след,
Человек человеку — пример и завет.
Твоя память надежней отпущенных лет.
Жизнь продолжат дела

и продлят — без тебя.

Твой портрет источает
улыбчивый свет.
Плачут дочки твои,
но смеется портрет.

Осень стелет листву,
шлет прощальный привет.
И далекий и близкий скорбят
без тебя.

Благословен и день и час,
Когда в горах Кавказа
Судьба соединила нас
А.С. Пушкин

Перевод В. Семенова

Пушкин на Кавказе

(Поэма)

Пролог

Сто тридцать пять минуло лет
С тех пор как, в роли дипломата,
Вникал и ты, посол-поэт,
В суть Туркманчайского трактата.

О, вдохновение мое!
Придай мне творческой отваги,
Как друг, войди в мое жилье,
Стань пылким бейтом¹ на бумаге.

Беседовать с самим собой
Моей второй натурой стало.
Гляжу — о, жизнь! — в твой лик любой
Сквозь грань волшебного кристалла.

Я слышу шелест голосов
Поэтов, вечным сном уснувших,

¹ Одна из восточных стихотворных форм.

И откликаюсь я на зов
Времен давным-давно минувших.

Перо мое берет разбег,
В работе сей не смею тлеть я.
С твоих вершин, двадцатый век,
Гляжу в минувшее столетье.

Несется конь мой, как самум, —
Въезжаю на гористый взлобок:
То путешествую в Арзрум
Я с Пушкиным самим бок о бок.

Я вдохновением горю,
И вы, усопшие, воскресли.
Вот, рабски преданный царю,
Паскевич восседает в кресле.

Сквозь дымку стихотворных строк
Я вижу шейха Фазиль хана:
Он прозорливей, чем пророк,
Сошедший со столбцов Корана.

Я вижу воинов семью,
Шатры меж хмурых скал нагория.
Творю историю свою,
Не исказив тебя, История.

Караван

Встреча Пушкина во время Арзрумского путешествия
с поэтом Фазиль ханом Шейда.

«...Конвойный офицер объявил
нам, что он провожает при-
дворного персидского поэта,
по моему желанию представил
меня Фазиль хану».

А. Пушкин

Благословен и день и час,
Когда в горах Кавказа
Судьба соединила нас.

А. Пушкин

Со вздохом пробудился ветер спавший,
В просторных высях клочья туч гоня.
А Пушкин, сам уже слегка уставший,
Пришпоривал усталого коня.

Путь среди гор — восторг, очарованье.
Весенней синью высветлен простор.
Хоть май настал, но и его дыханье
Прохладно, — пусть и радуется взор.

Парил орел, когтил добычу сокол.
У тропки — травка, голубой вьюнок.
Скакун копытами все цокал, цокал, —
Вон бабочка вспорхнула из-под ног.

Уже в уме — и строчки, точно звенья
Той цепи, что блистает столь светло.

А позже, позже — Пушкин сел за стол —
И взял перо... О, Фазиль хан! Не сетуй:
Теперь и ты в историю вошел,
Благодаря случайной встрече этой.

Коль эта встреча есть в твоей судьбе —
Не нужно монографий о тебе!

...Прочел я «Путешествие в Арзрум», —
Не мне ли Пушкин помахал прощально?..
Гляжу, гляжу вослед поэтам двум —
И так светло на сердце, так печально!..

Ф а з и л ь х а н

Как жаль, что расставаться нам пора!
Вы знаете, я из Тебриза родом...
Ах, сударь! Там такие мастера! —
Искусники, рожденные народом.
Тебриз — в твореньях зодчих — столь
прекрасен!

Он, как само искусство, чист и ясен.
Прельщает в нем диковинка любая:
Его базар, мечеть ли Голубая.
А живописцы? — дивная работа...
Ах, сударь мой!
Я речь веду к тому:
Есть у народа крылья для полета,
Да нет небес, чтоб в них парить ему.
Поэты наши? — нету у фортуны
Султанской власти слова над людьми
С тех самых пор, как онемели струны
На смолкшей лире шейха Низами.

Был речью пылкой Пушкин увлечен,
Тряхнув кудрями, восклицает он:

П у ш к и н

Намедни мне французский перевод
Прочли, — я слушал Тебризи Катрана¹:
Как тонок мысли каждой поворот
У этого певца Азербайджана!
Сколь пылок он, рожденный на Востоке,
Творящий на особый свой манер.

Как образны насыщенные строки!
Прекрасно все: гармония, размер...
Тебриз... землетрясение тех лет...
Какое чудо сотворил поэт!
Внимаешь с ужасом... сойти с ума! —
Строка трепещет, как земля сама.
Язык родной ваш... где его исток?
С ним Средний можно обойти Восток.
Да в нем самом, поющем, как струна,
Изысканность французского слышна!
Вергилий, дивный свой шедевр² творя,
Неистовый Аракс воспел не зря.

Ф а з и л ь х а н

Скажите, офицер, что хан Шейда
Благодарит.
Земля моя горда

¹ Катран Тебризи — поэт, классик азербайджанской поэзии

² «Энеиду».

Оценкой Пушкина, и край Катранов
Внимает Пушкину, душой воспрянув.
Слова поэта — как слова Творца! —
Разбудят даже спящие сердца.
Любой великий подвиг канет в Лету,
Коль не пришлось воспеть его поэту.
Весна с зимой сражались испокон:
То бел, то зелен горный крутосклон.
Родится гений — в миг его восхода
Восходит слава и его народа...

И тут он адрес Пушкина берет, —
Ах, как он русских путников дивит! —
Он на луку седла кладет блокнот, —
Не как они — иранец пишет справа
Налево —
Буковки бегут кудряво:
Ну и мудрен арабский алфавит! —
Он пишет, — так на мельнице с лотка
Живою струйкой сеется мука.

Вздохнул Фазиль: пора кончать беседу.
— С вином урмийским в гости к вам приеду! —
Он говорит:
— Прощайте, мой поэт!
— Прощайте, Фазиль хан, — звучит в ответ.

Но вот уже и кончен разговор...
— Прощайте! — вторит эхо между гор.

За поворотом — караван, бредущий
Над кручей — в миг неведомый грядущий.

Пришпоривай усталого коня
Меж круч, что в плен берут тебя, тесня...

Уже и солнце опустилось низко,
Коснулось гор багряным краем диска.

Когда ж затеплятся, как светляки,
Желанного Тифлиса огоньки?

Зумруд

Случайная встреча Пушкина с гробом Грибоедова. Знакомство с Аббаскули-ага Бакихановым.

Созвучья жизни в разуме моем
Слагаются в стенания одни.

Мохаммед Хади

«Наш Аббаскули»

А. С. Грибоедов

«Как жаль, что Грибоедов не оставил
своих записок! Написать его биографию
было бы делом его друзей, но замечательные
люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов».

А. С. Пушкин

Не мог поверить слуху своему,
Переспросил:
— Неужто правда это?
И снова:
— Гроб, — ответили ему, —
Везем мы господина Грибоеда.

Пушкин

Так вот как встретила меня сама
Земля, чьим сыном должен стать я вскоре.
Творец, создавший «Горе от ума»,
Сам — от ума! — познал беду и горе.

Жить в лихолетье! — горе, горе нам.
Ничтожество заносится в гордыне.
В России уваженье лишь к чинам,
А все умы под подозреньем ныне.
Коль жизнь славна, так занесен над ней
Булат коварный до скончанья дней.
Не я ль предостерег его, любя:
Умен ты, — значит, горе ждет тебя.
Поэт и дипломат.

В персидскую войну
Восславили, на щит подняли пылко.
Вдруг улыбнулся рок, подобно сну,
И в плач поверг — грозна его ухмылка.

Нахмутив брови, скорбно поглядел:
Последний путь! и горю есть предел...
Как видно, только в этом и сокрыта
Вся суть того тифлисского визита.
Пусть Фазиль хан и валиахд-наследник
Тебя, поэт, проводят в путь последний!

...Где ж постоянство мира?
Речь чужда
Устам, когда смыкает их беда.

Дочь генерала плачет, овдовев.
Оделись в траур, трауру не веря,
Друзья, которых потрясла потеря.

Уйти ли, скрыв свою печаль и гнев?
Стоять ли, плечи горестно сутуля? —
Как будто и тебя пронзила пуля.

Пушкин

Как видно, ни поэту, ни герою
Не избежать прижизненной хулы.
При жизни нас не признают порою,
Посмертно расточают похвалы.

Наложат пятаки тебе на очи, —
И дорог всем — в гробу! — в конце тропы...
Мы злое слово молвить все охочи,
На доброе — чтоб вовремя! — скупы.

* * *

Кавказ! Кавказ!
Глагол души поэта.
Пусть он внимает крику турача!¹...
И для него уже забита где-то
В ствол пуля: ждет убийцу-палача.

Покуда у него одна забота:
Творить, творить...
Но через восемь лет —
Тот лес январский, как конец отсчета.

¹ Горная куропатка.

Покуда ж ты в неведенье, поэт!
Все примешь, что судьба ни предназначит:

Любовь и злобу, славу и стихи...
Ну, а Кавказ... он по тебе заплачет
Рыдающей строкою Сабухи¹.

Порой песком засыпан, как забвеньем
В пустыне след... так что же из того?
Один остался в мире вдохновеньем,
Другой — лишь камнем, брошенным в него.

* * *

За повод он придерживал коня
И в даль глядел, задумавшись глубоко:
Там — в полосе закатного огня —
Вершина сиротела одиноко.

Вот скрылось солнце — и ушло тепло.
А тень вершины — жизни шевеленье! —
Как черное огромное крыло,
Накрыла сразу целое селенье.

В глубоких далях — вечер голубой...
Окликнул чей-то голос стихотворца.
Оборотясь, увидел пред собой
Мундир майора, молодого горца.

¹ Псевдоним молодого Мирзы Фатали Ахундова — азербайджанского поэта, драматурга, мыслителя. «Восточная поэма» (на смерть А. С. Пушкина) была написана им вскоре после того, как в Тифлис дошла весть о смерти поэта.

Почтительно приветствуя поэта,
Он въехал в круг тускнеющего света.
Печаль — в глубокой черноте зрачков.
Вгляделся Пушкин: кто же он таков?

А тот подъехал ближе в полумгле:
Взволнован встречей той, с душой смятенной.
Короткие поводья — на седле,
Засунут в голенище хлыст ременный.

Пушкин

Майор!
Сей вечер — вечер странных встреч.
Уж если так, тут лучше не перечь.
Собрата по перу я повстречал.
Но был в гробу он...

Пушкин помолчал.

Пушкин

Всю сладость жизни так и не изведав,
Талант уходит рано... отчего?
Вот и поэт — мой тезка Грибоедов...
Наверное, знавали вы его?
Какая же и тут сокрыта тайна?
Да, жизнь сложна... сложна необычайно!
К чему ушедшему твои рыдания?
Сдин его уже хулит, ей-ей!
Другой — строчит свои воспоминанья:
Добро иль зло! — по совести своей.
Майор внимал, —
вдруг вспыхнул и погас
Живой огонь его восточных глаз.

М а й о р

Хлеб-соль делили с ним
Мы целых десять лет.
Добро и зло знавали,
Добро и зло, поэт...

Замолк на полуслове Бакиханов:
Как много надобно сказать ему! —
Про Туркманчай, про дерзость новых планов,
Столь родственных высокому уму.

Мишенью Грибоедов стал когда-то
Для низких душ...

Жестокие года!
Был Грибоедов автором трактата¹,
И сам он перевел трактат тогда.

Не ты ли, сердце, жгучих дум полно?
Да ведь всего не скажешь все равно...

М а й о р

Уж разнеслась и по Тифлису весть...
Мы ждали вас... Но вдруг мне в душу что-то
Запало.

Поспешил в седло я сесть —
И вот я здесь...

В его глазах забота.

¹ Туркманчайского трактата (договора).

М а й о р

Поедьте скорее, господин!
Промедлим — так заблудимся в дороге...
Ведет к Тифлису этот путь один, —
Догнать успеем гробовые дроги...

Почуял Пушкин некое родство
С кавказцем, ждавшим на тропинке узкой,
И на призыв почтительный его:
— Извольте, — молвил стихотворец русский.

Та боль его оставила на миг:
Так к горцу повлекло, что просто диво!..

— А как же ваше имя, проводник?
— Аббаскули-ага — ответил тот учтиво.

* * *

Помчались. Лица обдал холодок...
Им путник поздний повстречался скоро.
Поводья резко натянув, седок
По-воински приветствовал майора.

Сказал, что опоздали:
караван

Уже в Тифлисе...
Огоньки мигнули,
Затеплились призывно сквозь туман...
— Вам надобно заночевать в ауле.

Спросил поэт с восторгом о творце,
И указал хозяин на горянку:
Она похожа здесь на полонянку, —
Яшмак¹ — велит обычай! — на лице.

Достоинство и грусть — на этом лице;
Пред ней склонился ты, поэт великий.

* * *

А уверяли: страшен, дик Кавказ! —
Остерегайся пули и кинжала.
О нет, воистину велик Кавказ —
Могучей этой красоты держава.

«России жаркая Сибирь» — Кавказ.
Кто молвил так? — Кавказ не зная толком,
Вы, сочинители подобных фраз,
Знать, ездили по русским лишь проселкам.

Поездка на Кавказ — для мудреца —
Паломничество в чистые сердца.

И вот уж гость представлен дорогой
Собравшимся Аббаскули-агой.

Как загорелся Пушкин! — счастлив он,
И в ста сердцах — ответный жар зажжен.

¹ Яшмак — лицевая повязка у женщины на Востоке.

Пусть фитилей крученых волоконца
Горят, чадя, — но в комнате светло:
Ведь в эту саклю только что вошла
Самой поэзии российской солнце.

Широколобий, небольшого роста,
Кивает всем так дружески, так просто.
В глазах — печаль... воздушны и легки
Его курчавых баков завитки.
Как горец, смугл...
Еще одна примета:
Чуть толстоваты губы у поэта.

Пушкин

Простой ковер? — нет, дивное творенье!
И похвалы, что мне достались, мать,
Все теплые слова, все одобренья
Позвольте вам переадресовать. —
Припомнилась поэту в этот миг
Арина Родионовна:
Она-то
Ткала и вышивала так же знатно.
А сходство! — тот же мудрый взор и лик.

— Порой поэт заносится в гордыне...
Но вот — ковер, поэзия сия!
Да разве гость я ваш? О, нет, отныне
Я раб, ваш благодарный пленник я.
Высокому искусству поклоненье, —
Лишь в этом — настоящий этикет.
Водило вдохновенное прозренья

Рукою мастерицы, спору нет.
Уж коль не это, что же без опаски
Назвать искусством?

Вот — его жильё!

Молчала женщина.
Но — краски, краски! —
Они-то говорили за нее.
О чудо-птица!¹
Очи с грустью странной
Глядят на вдохновенного певца.

Лицом к лицу стояли два творца:
Тот — знаменитый, этот — безымянный.

* * *

Нет, не скрывает Пушкин изумленья.
А женщина... безмолвна до поры.
Подрагивают, видно, от волненья
Ее персты, что выткали ковры.
Вот так стоять — ей не велит обычай,
Уйти — невежливостью гость почтет.
Но тут уже — закон иных приличий,
Где мелкие условности не в счет.

Как чуток гость! — прочел ту мысль, то чувство
В душе горянки, — он отводит взгляд:
Пускай молчит — ведь за нее стоусто
Цветы, деревья, птицы говорят.

¹ Имеется в виду волшебная птица Зумруд, символ добра и величия в азербайджанских сказках.

Да как же тут горянке не смутиться:
Таких похвал не слышала давно.
Сама здесь — точно гостья, точно птица,
Случайно залетевшая в окно.

Задумался поэт: такие выси!
Взгляд Пушкина и нежен, и суров...

Майор сказал:
— Один из сих ковров —
В покоях у Паскевича, в Тифлисе.
От всех округ старейшиной селенья
Преподнесен он графу в день рожденья.
Доныне сердце радует вельможе:
Язык узоров — славословье тоже.

Старик

Аббаскули-ага нам словно сын:
Приедет — праздник, день пройдет в беседе,
Таков уж наш обычай, господин,
Что тут же в саклю к нам — и все соседи.
Гость в дом вошел, —
Ну что такого в том?
Но весть о госте входит в каждый дом.
У нас, у горцев, есть одно поверье:
Гость дорогой ко мне, к другим придет, —
Коль распахну пред ним радушно дверь я,
То будет урожайным этот год.
Колосья вымахнут такого роста! —
Ну как же не приветить нам его?
Сначала это лишь знакомство просто,
Потом оно перерастет в родство.

На тюфячке пристроился старик,
Скрестивши ноги.

Гостя уважая,
Сидел он прямо, ибо этот миг
И был уже началом урожая.

Пил Пушкин чай...
Но, видно, мысль его
Плутала где-то, многое итожа.
Не отрывал он взгляда своего
От коврика...
—Отец! А граф-то что же?
Он—в день рожденья вашей мастерице—
Прислал подарок? гм, молчите вы...

Поникшей тот не поднял головы,
Лишь молчаливо дрогнули ресницы.
Присыпаны снежком его виски,
Его морщины старчески резки.
Видна за отворотом пиджака
Прокуренная трубка чубука.
Молчал.

Но поза старческая эта
Являла речь—и с гостем, и с собой.
Не надобно тут было и ответа—
И так уж старца понял бы любой.
Как видно, истина была проста...
Вот, наконец, он разомкнул уста:
—Принятье графом нашего подарка—
Для нас и есть подарок... да какой!—
Ведь наша участь,—улыбнувшись жалко,
Запнулся старец и махнул рукой.

Себя как бы со стороны он слышал,
Коря: «Не вышел разговор, не вышел...»

Но об одном не ведал Бакиханов:
Хоть в бедной сакле и покой, и мир,
Но может солдатня, в аул нагрянув,
Взять старца, ибо оный—дезертир.
Идти на турок? — не хотел войны:
Единоверцы в мире жить должны.

* * *

С тяжелой дремой справиться не в силе,
Уснули гости. В сакле тишина.
Им тут не двери—души отворили...

Но вот они восстали ото сна.
Что ж Пушкин? Видно, он не ждал подарка,—
Шагнул с порожка в дворик, в полумглу,
А перед ним—ковер, расшитый жарко,
Любовно притороченный к седлу.

Ковер?—нет, красота всего Кавказа,
Невиданное пиршество для глаза.
В восторге перед ним друзья замрут.
Спасибо за подарок твой, Зумруд!
Живет не только в праздничном рассказе,
Но вправду есть та птица на Кавказе.

Так в сакле, при мерцанье каганца,—
В миг, негасимым светом осиянный,—
Лицом к лицу предстали два творца:
Тот—знаменитый, этот—безымянный.

Наследник престола

Посещение наследником иранского престола и поэтом Фазиль ханом могилы Низами и путешествие в Петербург.

Приспело время: стать друзьями
Должны мы.

Прочь, вражда и спор!
Чистосердечно и открыто
Начнем сначала разговор.

Саади

(Из письма шаха Ирана русскому царю.)

Фазиль хан

Могила шейха—вот она!
Но сколь запущена, бедна...
Надгробье—тоже зодчество...
Извольте вы на письмена
Взглянуть, ваше высочество!

Ибн-Магомед Ильяс,
Ибн-Юсуф Низами
Словно приветствует нас...
Мастер! И ты прими
Дружеский наш привет.
Здравствуй, пророк-поэт!
Да будет раем тебе,
Шейх Низами, тот свет!
Стерлись на камне эмблемы,
Мхи—хоть серпом коси...
Мастер! Пришли к тебе мы
Из края Фирдоуси.

Голос

«Поэт из Туса—так гласят скрижали.
Что перед ним—другие мастера?
Жемчужинки искрились и дрожали
На кончике гусяного пера,
Но не скупые бусинки чернил,
Которые на лист он уронил».

Наследник

Фазиль, послушай: голос! Ты—посредник
Между усопшим мастером и мной.

Фазиль хан

То ваше сердце говорит, наследник:
Забилось чаще,—звук вполне земной.
Коль замолкает сердце песнопевца—
Великого, как Низами, творца,
Тогда, наследник, больно бьется сердце
У всех, кто вник в творенья мудреца.
Надгробье—точно каменная книга,
Захлопнутая роком навсегда.
Но вдруг она дождетя все же мига—
Раскроется в день Страшного Суда?
А Искандер?—воитель, полный пыла,
Живую воду отыскал в Гяндже:
Гусяное перо ему открыло
Ту тайну на последнем рубеже.
Отнюдь не острее разящей пики,—
О нет, не силы грубой торжество!—
Поведав о деяниях владыки,

Перо увековечило его.
О нем, о нем!—сокровищница слова—
Тут, на земле, где грозен звон мечей.
А под землю спит, не слыша зова,
Сокровищницы этой казначей.
Тому, кто полонил почти полмира,
Кто в почестях земных достиг вершин,
В земле—
Во мгле!—
Где черви жаждут пира,
Отведено всего лишь пять аршин.

* * *

Но, боже! чей же исполинский меч
Когда-то совершил такое диво —
Сумел почти стоверстный путь просечь
Реке Гяндже, бегущей торопливо?
Глядишь — и мнятся быстрых волн зарницы
Строкою, выпавшей из Пятерицы.

А выйди на гянджинскую равнину —
Гёй-Гель на ней — как зеркало чудес,
Что столь огромно — в пору исполину
Глядеть в него, как господу, с небес.
Здесь тишь такая — слышишь паутину,
В которую комар звенящий влез.
А вдалеке белеется Кепез —
Тут и воздвигнут мавзолей поэту,
Что, прахом став,
В сердцах, как бог, воскрес.

* * *

Наследник на Фазиля изумленно
Взирал;
Плита с надгробия сползла,
И тот ее в продавленное лоно
Втащить пытался — капал пот с чела.
Но сдвинуть камень даже на вершок
Не смог, лишь длани сгоряча обжег.

Ф а з и л ь х а н

Тяжел! Как будто кто заморозил.
Тяжел! — хоть клич на помощь Геркулеса.
Двужильному — и то не хватит жил:
Не одолеть ему такого веса.
Живой—под властью грозною, крутой,
Мертвец — под тяжкой каменной пятой.
У каждого имеется хозяин,
Причем, владыка эгот — не случаен.
А Низами? — пером своим — колдун! —
Рассек стальную гору Бисутун.
И собственную жизнь, став исполином,
Перечеркнул тем перышком гусиным.
На каменном надгробье — пыль вполпальца:
Она, как ржа, съедает письма.
Но мысль, строка великого страдальца —
Сама счищает ржавь с умов она.

* * *

Увлекся Фазиль хан, а в этот миг
И появился рядышком старик.
Замеченный иранцами не сразу,
Он, точно привидение, возник.

Старик

Нечаянно я караван узрел.
Не с ним ли, совершая путь обратный,
Торопится к себе в родной предел
Посол российский — мой знакомец знатный?
И долго же однако пробыл он
В Иране — словно угодил в полон.

На старика взглянули два иранца:
Видать, познал он тяжкий гнет труда,
А взор пытливый сгорбленного старца
Скользнул по ним, как видно, господа.

Цветы рассыпал старец на могиле —
Охапку целую с собой принес,
И с ирисами нежно-голубыми, —
Их только что иранцы возложили, —
Смешался ты, багрец мятежный роз.

Фазиль глядел на старика, вникая;
Наследник был нетерпелив слегка:
В кольцо сгибал он ветку лозняка, —
Ведь надо ж! — встреча странная какая.

Старик

Скажите мне... откуда вы, сынок? —
Он глянул на Фазиля, вопрошая: —
Я сразу-то осмелиться не мог
Спросить...
Ведь встреча с вами — честь большая.

Фазиль хан

Дед! В Петербург мы едем из Ирана:
Наследный принц... и я — Фазиль, поэт...

И словно бы пророку из Корана,
Смиренно поклонился принцу дед.
Фазилю, точно знатному вельможе,
С почтеньем старец поклонился тоже.

Старик

(Обращаясь к принцу)

На старика не поимев обиды,
Послушать и меня пора, сынок:
От принцев — от Ирана до Тавриды —
Не видела земля добра, сынок.
И благ от иноземного посла
Она, земля наша, не ждала.
Но вам-то, вижу, до нее нет дела:
Иною мыслью заняты всецело.
Скажите, господин, сосуд без дна
Наполнится ль когда-нибудь водою?
Вот так людей глотает и война,
Грозящая таким, как я, бедою.
Вы путешествуете, а в дороге —
Свои заботы и свои тревоги.
Вы в тайные дела посвящены.
Скажите: скоро ль новой ждать войны?
Я сам — свидетель тех кровавых лет,
Когда столкнулись тут две грозных рати,
Все сокрушив, все растоптав.

А кстати,

Вы видите большущий этот след?
Содвинута слонем сия плита —

Могучим боевым слоном Каджара:
Могилу продавив, его пята
На локоть целый вглубь дернину вжала.
А после—царские войска вперед
Пошли—

и слон не страшен багинету!

И вновь—
Могилу царственную эту
Солдаты растоптали—в свой черед.
Гляди: изрыто полюшко, сынок:
Война!—кого тут призовешь к ответу?
Едва не стерли нас с лица земли,
Но мы, гянджинцы, и могилу эту
В другое место бы перенесли...
Но только я тебя, сынок, спрошу:
Куда же нам перенести Гянджу?
Коль русские пойдут на нас войной,
Иль вдруг нагрянет грозный враг иной?
«Хамсе» давно народной славой стало,
Могила—глянь!—стыдом, отравой стала.

* * *

Он словно бредил въяве, как лунатик.
Переглянулись принц и Фазиль хан.
Обоим мысль одна пришла: «Фанатик!»
Казалось, был от гнева старец пьян.
Глаза его рассерженно пылали,
Чуть не задохся в грозном он запале:
Старик—воителем за правду был,
Старик—хранителем могилы был.

Старик

Тут русский некогда ко мне посол
С приветливыми подошел словами,
С сердечным, добрым словом подошел...
Помстилось мне: он—в вашем караване.
Я ждал: свершив свой благородный труд,
Он непременно побывает тут.
Сюда и сам поторопился я:
Ведь помню—мы расстались как друзья.
Ах, как почтил он шейха Низами!—
Заговорил с ним—шли слова от сердца.
Он местной власти денег дал: возьми!
Но обнови могилу песнопевца.
И сам он, говорили, был поэт...
С супругой ехал он: молодожены!
С кавказцами сдружился, как сосед:
С почтеньем отвечал на их поклоны.

* * *

Молчанье...
Как сказать, что не посол
Спускается с вершины в горный дол?
Как молвить старику, что едет плата
За жизнь и кровь поэта-дипломата?
Плывет в своем футляре Царь-алмаз,
Игрою граней радующий глаз,
И траур едет под надежной стражей,—
Он тяжелей окрестных горных кряжей.

История глаголет, внемли ей:
Кому подарок? и по воле чьей?

Алмаз—трех шахов имена на гранях—
Плывет за гробом в сумерках багряных;
В Россию едет волею судеб,
Футляр его резной похож на склеп.

Н а с л е д н и к

(Фазилю, полушепотом)

Когда б узнал старик: посла убили!—
Легли и мы бы под могильный кряж.
Сорвал бы гнев на принце и Фазиле—
На персах двух!—свирепый этот страж.
Причина, право, есть для изумленья:
Азербайджанец, хлебоборб простой,
А пред послом—такое преклоненье
За слово доброе—в беседе той.
Поверь, я смерти не боюсь, Фазиль,—
Могильное надгробье... прах и пыль...
Не струсив, упокоился б в земле я.
Но встреча с матерью посла, Фазиль,—
Она—поверь мне!—смерти тяжелее.

Ф а з и л ь х а н

Россия не озлобится на нас,
Я знаю сердце русского народа:
Оно—щедрей и глубже, чем алмаз,
Сверкающий столь холодно и гордо.
К тому ж, Иран к убийству не причастен:
Тут случай виноват, а он—всевластен.

Тут—Рок... тут—тайных—грозных!—сил игра.
В порядок здесь надгробье приводили,
А он не ведал, что ему пора
Подумать и о собственной могиле.

Н а с л е д н и к

Алмаз... упрячут под замок его,
Где он во тьме—в забвении!—пребудет.
А вот Россия сына своего—
Великого поэта!—не забудет.

Ф а з и л ь х а н

Наследник! Этот камень—талисман:
Все беды обойдут его владельца,
Носи его с собою—и надейся,
Что верный страж тебе судьбою дан.
Иран утратил лучший свой алмаз,
Чей бранный вес известен до карата,
А русская земля—в недобрый час!—
Родного сына.

Чья больней утрата?

Алмаз так редок. А талант, поэт?—
Меж ними связь провижу неспроста я
Поэт уходит, отблестав, а вслед
Алмаз выходит из глубин, блистая.
Таков итог борьбы, где нрав и разум
Вдруг словно обретается алмазом.

* * *

Задумчив принц.
Ну что за разговор
Над каменной плитой, застывшей немо?..
А вечер ткет багряный свой узор,
Закатное тревожно рдеет небо.

Н а с л е д н и к

Глас из могилы!—чем не колдовство?
Старик и Низами!—уж не во сне ли?
А мы?—так много сказано всего,
Как будто прибыли уже мы к цели.

* * *

Фазиль кивнул—понятен был намек:
Пора и в путь, который столь далек.
Наследник подал руку старику,
Фазиль поцеловал ту длань сухую.
Немало повидавший на веку,
Учтивость старец оценил такую.
Знать, гости ведали на то причину,
Оказывая честь простолюдину.

Внимательным старик окинул взглядом
Двух знатных путников, стоящих рядом.
Чуть странновато выглядела пара:
Один—высок и строен, как чинара;
Широкоплеч, грудаст, и—взор победный;
По-видимому, шахский сын наследный;
Другой—невзрачен: тучный коротышка;
Зато подвижный, шустрый, как мартышка.
Но оба перса, подходя к могиле,
Пред нею низко головы склонили.

С т а р и к

Молю, сынок: не позабудьте просьбы:
Увидите российского посла,
Ему вы—встретить только довелось бы!—
Скажите, что могила, мол, цела.
Скажите: ждет в Гяндже старик знакомый,
Что не ушел покуда на покой,—
И сразу же поймет он—кто такой:
Не мог забыть он о могиле оной.
Я знаю: вновь захочет он прийти—
Ему же снова будет по пути.

* * *

...И вот они, проспекты Петербурга;
Фазиль и принц—пред матерью посла.
Скорбь, в плаче не излившаяся бурно,
Тем более, как видно, тяжела.

Всего лишь миг назад — поклон, улыбка,
Навстречу вам, вошедшие в жилье,
И вдруг: пол, из-под ног поплывший зыбко,
Вопль глаз беззвучный—умер сын ее!

До этой встречи—вы, покой и счастье,
А после этой встречи—мук всевластье.

Вчера лишь—мать российского посла,
Сегодня—мать, стоящая у гроба;
Креп черный, ниспадающий с чела,
Под крепом—леденящий пот озноба.

Сегодня—ей рыдать велит обычай.
Но словно поразил ее недуг:
Такая мука!—что ей до приличий?—
Ее уста окаменели вдруг.

Он—спит: не разбудить его в гробу бы!—
И мать до крови закусила губы.

О, женщина!—рыдай: пришла беда.
О, мать скорбящая!—где плач надгробный?
Два вестника печали никогда
Не слыхивали тишины подобной.

Н а с л е д н и к

Судьба вам нанесла удар жестокий.
Мы здесь, чтоб с вами горе разделить:
Так принято у вас. И—на Востоке,—
Преемственности человечьей нить.
Мы—государства нашего посланцы;
Как, может быть, вы поняли—иранцы.
Ваш сын—он продолжает жить посмертно,
А мы—и живые!—оба мы мертвы:
Коль истолкуют нашу роль неверно,
Обоим не сносить нам головы.
Мы сына заменить—для вас!—готовы.
А если с этим не согласны вы,
То посадите нас, надев оковы,
В тот грозный ров, где обитают львы.

* * *

Был бледен принц; такая скорбь на лице,
Такая боль и мука естества,
Что сердце и жестокого владыки,
Наверно б, тронули его слова.

Но женщина молчала. Не проник
Ей в сердце бы звук львиного рычанья.
И, может, это был последний крик
Столь долгого — столь жуткого! — молчанья.

Ф а з и л ь х а н

Рыдали мы, сей скромный путь пройдя,—
Пронзило нам сердца тоской острожной;
А слезы те—дробинками дождя—
Свернулись позади в пыли дорожной.
Его величество послал в залог
К вам в Петербург единственного сына,
И ведает, как видно, только бог,
Какая ждет наследника судьбина.
Хоть весть—больнее, чем удар ножа,
Мы вашего ждем слова, госпожа.

* * *

Молчала скорбно женщина в ответ:
Посланцам—ни прощения, ни смерти,
Как будто, если сына больше нет,
То нету рядом никого на свете.

Поэту мнилось—так устал он ждать!—
Покличет всю Россию на подмогу
Оледеневшая от горя мать,
Что даже не могла молиться богу.

Казалось: космы рвать начнет вот-вот,
Чтоб выплеснуть в слезах свою кручину;
Ногтями лик полосовать начнет,
Верша обряд, положенный по чину.

Толпа людская ринется на крик,
И их—
Двоих!—
Повесят сей же миг.
Но каменно безмолвствовала мать,—
Сухие очи притенила прядь.

Не зная ничего о сей державе,
В России, может быть, они умрут,
И Персия оспаривать не вправе
Тот приговор, что вынесет им суд.

«Казнят!»—
Пошел у них мороз по коже...
Но ободрились, вдруг уразумев:
Русь не обрушила на них свой гнев,
И мать поэта промолчала тоже.
Но что могли бы обе им сказать?—
Молчала Русь, безмолвствовала мать.
Российский трон украсит Царь-алмаз,
А больше ничего царю не надо:
Ни оправданий, ни слезливых фраз...

Посол погиб?

Но велика награда
За жизнь того, кто в «Горе от ума»
Знать родовую уязвил весьма.

Переглянулись юный принц с поэтом:
Уйти пора им. Времени в обрез.
Поплакали б, обнявшись... Только где там!—
Не тот момент—по прихоти небес.

Но мать... ей вспомнилось:

«Прощайте, мама!»—
Нетерпеливый этот взгляд поймала.
Припомнилась подробность ей одна,
Взглянуть со стороны—такая малость!—
В прощальное мгновенье и она
Вот так же взглядом с сыном обменялась,—
Как будто в рану сыпанули солью—
Припомнилось с пронзительною болью:

«Ох, мама, сердце что-то не лежит
К поездке той: бесправье, дикий быт;
В гнездо невежества и знати чванной
Явлюсь я—гость не слишком-то желанный.»

Но я ему в ответ: «Езжай, сынок,
Посол российский—честь-то нам какая!»
Рвалась домой—он был там одинок!—
Душа его, слезами истекая.

Себе и сыну возжелала славы—
И вторглась смерть сама в ее жилье:
Великим горем, горечью отравы
Та слава обернулась для нее.

Она поникла...
Где ты, гордый стан?
Средь прядей черных—изморози блики;
В глазах—предвестник близких слез—туман;
Бледна: как будто иней—и на лице.

Душа ее, незримая для глаз,
Вдруг стала рассыпаться, точно кладка,—
Сперва в ней кирпичи качнулись шатко,
Потом—обвалом!—рухнули все враз.

* * *

Как рухнувшего здания столбы,
У коего—уже ни стен, ни свода,
Все трое простояли до восхода,
Потупив очи пред лицом судьбы.

Дом рухнул!—мгла сердца заволокла,
Тому же крепу траурному в пору.

...А ты, гянджинский старец, ждал посла,
Ты ждал его—согласно уговору:
Ведь он с наследником послал наказ,
Воззвав к аллаху, сотворив намаз.

* * *

Достиг Тифлиса Пушкин.
 Принял граф
Поэта—
С миной, скорбной, как на тризне;

Не церемонился он с ним,
 сказав,
Что рваться в пекло битвы—риск для жизни.

Но Пушкин все же повстречался с братом
На линии огня передовой,
Где сразу полюбился он солдатам
За нрав бесстрашный и веселый свой.

А утром—в знобком розовом туманце,—
Ведя коня гнедого под уздцы,
Отправился он к вам, азербайджанцы,
Бывалые солдаты-храбрецы.

Любовь

Встреча Пушкина в военном лагере с воинами-азербайджанцами и преждевременное возвращение из Арзрума.

«...Я хотел воспеть героические подвиги наших молодцов-кавказцев; это славная часть нашей родной эпопеи».

А. С. Пушкин

В один большой шатер они набились,
Протиснуться к нему поближе силясь;
Все—в грозном блеске воинской красы:
Густые брови, черные усы.

Промолвил Пушкин:
—Расскажите мне
Дастан из жизни вашего Кавказа.

Российскому поэту нет отказа,—
Вскочил поручик, начал в тишине:
—Дастан такой внимания достоин,—
И вот что Пушкину поведал воин:

...Снег—по колено, грусть—в очах:
Далек его родной очаг.
Готовый хоть на край земли
Идти,
Керем спешит к Асли!...

—Асли!—воззвал, больной от дум.
—Асли!—лишь ею занят ум.
—Асли! Асли!—вослед за ним
Воззвал, как эхо, весь Арзрум.

К чему и гордый блеск хором?—
Спешит тропинкою крутой,—
На пальце—перстень золотой,
А пояс вышит серебром...

—Керем!—и на устах у той—
У дочери попа Асли,—
Скорбит от милого вдали...
Как серьги у висков,
вразброс—

¹ Герой и героиня народной легенды «Асли и Керем».

Колечки черные волос.
От счастья, от восторга нем,
Их видел издали Керем:
Он страстью даже к ним кипел...

...А поп, узрев его, шипел;
Он, рясу черную влача,
Был злей любого палача,
Готовый деу увести.
Лишь сбился бы Керем с пути.
Коварен, злобен и хитер,
Он был к тому же зубодер.
Был черный поп к тому же врач,
Он лекарь был такой—хоть плачь...

Поп дал бы даже вырвать сердце
Себе,
Как зуб гнилой, больной,
Лишь извести бы иноверца,
Не видеть дочь его женой.

Керем к нему: мол, зуб болит,—
Тут всяк от боли заскулит!
С ухмылкой злой тот вырвал зуб,
И тяжкий стон сорвался с губ
Керема,—
Сунул палец в рот:
—Да ты же выдернул не тот!
И вправду, что за душегуб:
Здоровый взял да выдрал зуб.

Асли смекнула вдруг, что сам
Керем предстал ее глазам.
Готов лишиться всех зубов—

Лишь видеть бы свою любовь!
Кричит Асли:
—Постой, отец!
Что натворил ты, ой, отец!—
Сдержат слезу смогла едва:—
Все зубы вырвешь!—тридцать два!
Постой, отец! Иль глух совсем?..
Ведь это же Керем, Керем!

* * *

Поэт дастаном этим увлечен:
—Подобного не слышал на веку я!
Асли, Керем,—в раздумье молвил он,
Слова чужого языка смакуя.

Пушкин

В любой душе такая боль... зачем?
Дастан ваш славный... ах, какая тема!
Где есть любовь, там, значит, есть Керем,
Но нету в мире без Асли Керема.
Любовь просветит душу всю до дна,
Пришла она—так будь ей благодарен!
Талантливы влюбленные всегда,
Не любящий—и злобен, и бездарен.
Но, а любовь так обновит влюбленного—
Хоть имя новое ищи для оного.
Влюбленные к тому же двумённы:
Она и он—такие тут законы.
Всю в этом мире боль влюбленным дай—
Для них на свете высшей нет отрады.

А горечь дать изволь—всю в мире дай!—
И выпьют, как шербет,—и тоже рады.
Любовь—как влага, что манит, светла,
В краю, где путник изнемог от жажды.
Любовь главнейшей темой была
Для всех творцов великих не однажды...

Пел гимн любви не потому ль, что он—
Сам Пушкин!—тоже, тоже был влюблен?
Не просто отдал дань он славословью,
Но сам пылал к избраннице любовью.
Кто ведать тут об этой тайне мог?—
В кругу вояк—среди беседы шумной?
Был краток разговор и меток слог
У мудреца в юдоли неразумной.
Поэту предстояло сватов слать,
Лишь возвратится в Петербург опять.

Пушкин

Поручик! Благодарствую я вас.
Такой дастан в стихи мне взять бы впору.

—По сердцу Пушкину пришелся сказ,—
Шепнул поручик на ухо майору.

Поручик распрямылся, поклонясь,—
Простой лишь воин, но не граф, не князь.

Но был он столь красив, был так высок,—
Он—худощавый, смуглый от загара,—
Как будто здесь—сквозь камень да песок—
В горах Арзрума вдруг вошла чинара.

Пушкин

Иной глаза мозолит,—в том ли суть?
Порой довольно мига—промелькнуть.
Прекрасен ты, поручик!—взял ты всем.
Родился для любви ты, как Керем.
Зря в битву не кидайся, как шальной,—
Что станется с любимой иль женой?
Не вяжутся твой лик, кинжал, ружье
С тем, в чем, видать, призвание твое.
Ах, ненароком бы не осенил
Тебя крылами смерти Азраил¹.
В окопах красоту ты прячешь, брат,
А кто-то сердцем тянется к тебе.
Любовь... но если пушки говорят,
Они не внемлют и ее мольбе.
Та пуля, что тебя сразит, осилит,
Керема и Асли пробьет навывлет...
А, кстати, как зовут тебя, атлет?

—Фараджулла,—промолвит тот в ответ.

Поручик

Позвольте, сударь, я для вас спою,
Сыграю вам я «Кереми» на сазе², —
Пусть саз поведает мольбу свою:
В нем—сердце и душа, как в том рассказе.

¹ Азраил — ангел смерти.

² Саз — национальный музыкальный инструмент.

И саз запел над горными грядями,
Где плыл туман, струясь меж черных скал.
Поручик улыбался над ладами,
А об Асли своей Керем рыдал.

Пушкин

Да есть ли, есть ли для любви предел?
Она ведь не обходит и калеку:
Один влюбленный и осиротел,
Но боли той всему довольно веку.

—Аббаскули-ага,—произнесли.
Горянка!—очи умоляют немо...

Сказал поручик:
—Верно, то Асли,
Вняв зову, ищет своего Керема...

Как странен, как он скорбен, взгляд такой, —
Всех взором обвела—в таком-то месте!—
Не задевая гордости мужской,
Вся—воплощенье гордой женской чести.

—Аббаскули-ага—глядит в упор,
И сразу голос тот узнал майор.

Аббаскули-ага

Вот как... к добру ли?.. вы?.. и вдруг—
вот здесь?—

Взглянул тревожно, подобрался весь.

Как изменилась!.. До чего бледна!..
В палатку словно бы дохнула стужа.
Ответила с достоинством она:

Ж е н щ и н а

—Приехала, чтоб взять останки мужа.
Я обратилась к офицерам старшим...
Паскевич заупрямился... фельдмаршал...
Ему бы относиться к нам иначе,—
Не сжалился, хоть захлебнись ты в плаче.
Не замечает он в своей гордыне:
В нас сердце, а не камень сей твердыни.
Обычай: нужно прах предать земле
Не на чужбине, а в родном селе.

* * *

Теперь все стало ясно для майора:
Погиб ее супруг, ее опора.
В каком он трудном положенье сам!
Есть сердце в нем... но, справедливость,
где ты?

Бледнея, приложил ладонь к глазам:
Как тяжко давят эти эполеты!
Хоть и отважен он, бывалый воин,
Но в царской армии он был изгоем.
Привыкли те, чья власть столь высока,
Глядеть на инородцев свысока.
Что эполеты—золотой узор?—
Был выше их—душой своей!—майор.
Всего народа переводчик,

ОН.

Вдруг онемел пред женщиной одною.
Донесся глас погибшего, как стон,—
В нем ласка и укор — мольбой двойною:

«Аббаскули-ага — наш сын. Родня! —
Его приход — как праздник для меня.
Запомни, гость, коль друг к тебе придет,
То будет урожайным этот год.
Сперва знакомство, — что же из того? —
Потом оно перерастет в родство».

Ж е н щ и н а

Молю вас: попросите за меня!
Не внял он мне сейчас... глядит спесиво...
Ведь ничего до нынешнего дня
Ни у кого еще я не просила.
Не внял он, хоть видала вся округа:

Пришла за прахом своего супруга.
Узнай село, так не дали б шагнуть:
Всем миром преградили бы мне путь.
Ах, как дорога эта тяжела!
Сама не знаю, как сюда пришла...

Фельдмаршалу скажите вы, что есть
Одно для павших утешенье: честь.

Но, взора не сводя с его чела,
В его глазах решение прочла.
Лицо майора так и полыхало.
Где бледность? Тяжесть этих эполет?

Страхнул он с плеч ее: была и нет.
Ответил — вся палатка услышала.

Аббаскули-ага

Я сам, о мать, все доложу ему.
Я думаю, что слову моему...

Пушкин

Зумруд!
Взглянув, узнала сразу,
Хоть позабыла имя: гость ночной!
Поэт... он — русский, но хвалу Кавказу
Воздал — их гость, который стал родней.

Когда услышал Пушкин: пал старик, —
Он шляпу снял, он головой поник.
Молчал он, за Паскевича стыдясь,
Хоть граф и он — какая же тут связь?

Скорбя, поник главой Аббаскули:
Он видел боль, он видел муку вдовью.
Сказал он вслух:
— Да как же так могли?..
Глумление над прахом, над любовью!
Шел в бой старик — не знал я ничего,
Не ведал я о гибели его.

Притихли все. Такая тишина,
Что слышен ветер, веющий снаружи...
Глядела скорбно на того она,
Кто гостем был у них при жизни мужа.

Зумруд молчала — не нужны слова...
Былые дни, — скорбишь о них не ты ли?
Ведь пламя, пламя отдала вдова, —
Просила, чтобы пепел возвратили.

* * *

Шатер под сенью горного зубца.
Вошли — меж гренадерскими штыками —
Под своды полотняного дворца,
Что возведен солдатскими руками.

Терялись башни в синеве небес;
Внизу был вечер, утро — на вершине.

Шатер вздымался, тоже в небо лез:
Он тоже был — увы! — вершиной ныне —
Вершиною сокрытой, потаенной
Средь дикой красоты округи оной.
На солнечной стоял он вышине,
Туманы в стороне клубились где-то...
— А!.. Пушкин сам пожаловал ко мне! —
Изволил граф приветствовать поэта.

Лишь беглый взор он бросил на вдову,
Учтивым взглядом одарил майора.
Развел руками:
— Так-то и живу! —
Завладевая нитью разговора.

Паскевич

Война... и вдруг подставил под удар
Себя поэт — не ждал подобной прыти!..
Турецкий ятаган примите в дар...
Но, дорогой, лишь от войны бегите!
Прошу я вас: в окопы — ни ногой!
И вас пристрелят мигом эти звери.
Ах, Александр Сергеевич, дорогой!
Вы знали бы, какие здесь потери! —

Витийствовал: —
Скажу вам не шутя:
Тут гибнут и умелые вояки...

Все понял Пушкин — был он не дитя —
Фельдмаршал начеку: он ждет атаки.

Открыто, — не хитрец, не дипломат, —
Спросил, где война того останки.
Поведал, на вдовицу бросив взгляд,
О скорби, о терзаниях горянки.

Здесь две России, в том шатре царя,
Творили суд особенного рода:
Всесильных граф — от имени царя,
Поэт — от имени всего народа.

Паскевич

Кавказ...

Совсем иные нравы тут:

Сегодня труп похитили абреки.

Я дал приказ: быть может, отдадут...

Рад услужить... я ваш слуга навеки...

Паскевич, — слово — будто лисий след, —
Хитрец придворный, льстиво ткавший сети.
Хотя б на сутки опоздай поэт,
Был непреклонен бы, как скалы эти.

Он путано заговорил о том,
Что перейти пытался к туркам старец,
При этом нашим был убит стрелком,
Что, мол, предателем был сей повстанец...
— Поэтому, — сказал он с видом кислым, —
Его семью я из аула выслал.

Был Пушкин потрясен и этим днем,
И желчным тоном полуудолженья.
Надменный полководец, граф, —
при нем
Сломаются и крылья вдохновенья.

Пушкин

Его вдова вручила вам когда-то
Свой дар — ковер. Он послан, может быть,
От имени погибшего солдата, —
Да разве можно о таком забыть?
Ковер...

Край покоренный вышит там:
Вот этих гор гряды под облаками.
Фельдмаршал!

И не к вашим ли стопам
Кавказ положен этими руками?
Гнездовье чистых муз — душа ее,
Поэзия в ее душе сокрыта.
Будь знатный покровитель у нее,

Она уже была бы знаменита.
Сегодня слышал я один дастан:
В нем любит горец, любит в нем горянка.
Не чудо ли: в стан гордых христиан
Пришла за прахом мужа мусульманка?
Керем в слезах тоскует по Асли,
Вдова—по мужу, павшему вдали.
Так любит!..
Так любил ее супруг!
Быть может, и предела нет бесправью?
Вот здесь, в палатке, я увидел вдруг,
Как древняя легенда стала явью.
Обычай есть, бытующий в горах:
Родной земле велит предать он прах.
У русской нации—свой дух народный.
Но может ли считаться благородной
Она,
Поправ обычаи другой?
Нет, нации стать нацией нельзя,
Не глянув трезво истине в глаза.
О, женщины несчастные!

И гул
Обвала
Вдруг потряс тот стан солдатский,
И словно ветер полог колыхнул,
Подув оттуда—с площади Сенатской.

Шагнул один ли воин-богатырь
С той площади да напрямиком в Сибирь?
Вослед им,—непреклонны в гордой силе,—

Отправились красавицы России.
Был путь туда—и тяжкий, и нескорый.
Там стали женщины мужьям опорой.

Оставили в глуши, в сибирской мгле,—
Став солнцем в небе!—след свой на земле.

Мужья—судьба России, шедшей к цели,
А без нее и жены б овдовели.

Пушкин

А, впрочем, хватит слов... и слово—бренно...
Побед вам, граф!.. Но ждет вдова сия...
Я хлеб вкусил в их доме.

Непременно
На похоронах должен быть и я.

И взгляды в этот миг скрестили двое.
Граф хмурился—был недоволен он.
Он, побеждающий на поле боя,
В своем шатре сегодня побежден.

Признательность и он заметил вдовью—
Взгляд, на поэта брошенный с любовьюю.

В речах своих порой неосторожный,
Стоял он рядом—гордый и надежный.

Различен речью, верой—все равно!—
Коль боль души душе понять дано.

* * *

...Нес Пушкин—на ковре!—гроб
с прахом горца.
На похоронах старца не был он.
Но передал майор вдове поклон
И соболезнованье стихотворца.

* * *

Игра узоров в солнечном луче,—
Закончен труд... А Пушкин? Вот и он!—
С майором рядом, с гробом на плече,—
Вот так был на ковре запечатлен.

Посланец из Тифлиса снаряжен:
Ковер украсит стену преотлично!
Но, говорят, ни с чем вернулся он:
Надменный граф был побежден вторично.

Да разве павший предан был земле?—
Шерстинка—черная иль голубая,—
Ткала Зумруд со скорбью на челе—
Ткала ковер, супруга погребая.

Гроб на своих плечах понес поэт
В цветущий дол с нагорной той твердыни...
С тех пор уже минуло столько лет!—
А он несет,
Несет его доныне!

Пуля

Бакиханов, узнавший о гибели Пушкина, отправляется в Тифлис.

«...Разве не слышал о Пушкине,
главе собора поэтов?»

М. Ф. Ахундов

Во время оное, бывшее
В те дни ты знал меня, Кавказ.
В свое урочище глухое
Ты принимал меня не раз.
В тебя влюблен я был безумно,
Меня приветствовал ты шумно.

А. С. Пушкин

Отправился из своего поместья
Майор в Тифлис.

Понурый ехал он.
Вошла, как пуля в сердце, боль известья—
Та пуля, коей был поэт сражен.

Он скорбно размышлял. Не нужно слов.
Кавказ—его родная сторона.
Вон там—пересечение следов.
Там—молнией чинара сражена.

Так ехал он верхом,—тоска в очах,—
Пешком спешила мысль его живая.
А где-то тлел неведомый очаг,
Теплом далеким душу согревая.

Есть место на земле,—знакомый путь!
Лишь снег да снег—ни кустика, ни травки...

Пора уж и в Тифлис бы заглянуть:
Влачил он дни в имении, в отставке.
О, думы!—словно пламя на ветру.
Веселым он казался в разговоре,
Он лихо балагурил на миру;
Домой вернувшись, погружался в горе.
Как сердце болью ты ни береди,
Рассудок все разложит по порядку,—
Порою сердце, возроптав в груди,
С ним, будто бы с врагом, вступает в схватку.
Он ехал, чтоб о многом разузнать.
Кто погубил такого человека?
Не ты ли, раззолоченная знать?..
Трагедия запутанная века.

Бакиханов

Язвил он подлецов и пустомель.
Вот первый шаг,—грозят глаза живые.
Кто знал, что он выходит на дуэль,
Перо в чернила обмакнув впервые?

Жизнь—только миг, всего один момент.
Но слово в мире вечно жить готово.
Навеки сохранится монумент,
Коль отлит не из бронзы, а из слова.

Уйди поэт от мук, от торжества,
От жизни, от людей—и жил бы, право!
О боже! Как сбываются слова!
Тесна уму единому держава.

Не внемлешь подлым доводам, певец?—
Так жди ударов, нанесенных сзади.
Будь то навет иль жалящий свинец,
Но там, где слава,—подлецы в засаде.

Поэт! и жизнь сама—в тебе жива.
Народа мудрый аксакал не ты ли?
Поэт—всего народа голова,—
И пулю в эту голову всадили.

Страстей и чувства переводчик он,
Когда дает он толкованье оным.
Пусть целый мир поэтом объяснен,
Но сам остался он необъясненным.

Еще ложились строчки на листы,
А смерть ходила следом, карауля.
В бою, Россия, не теряла ты
Того, чего тебя лишила пуля.

Любая в мире нация славна,
Коль ведом ей певец родного края.
Что знает о себе самой она,
Великих сыновей своих не зная?

Смерть гения, но песен—торжество,
Скорбит о нем вся русская держава.
Да разве же могила—в рост его,
Коль землю всю
Его объяла слава?

Так ехал он,—задумчивость в очах.
 Друг плачет, враг ликует без зазренья.
 Но кто-то уж перебелял в ночах
 Твое, о Лермонтов, стихотворенье.

Писал, на хладный лист огонь пролив,
 Пред свечкой, оплывающей в печали.
 Был переписчик скорбно-молчалив,
 Стихи к возмездю громозвучно звали.

Молчали борзописцы, онемев,
 Вся свора именитая молчала—
 Перед стихом, где ненависть и гнев,
 Где боль поэта грозно прозвучала.

Рассвет был черной вестью омрачен.
 Уловка подлая—удар судьбы ли?
 На площади Сенатской не был он,
 Так на ином ристалище убили.

Уж Фатали Мирза* будя сердца,
 В тот скорбный миг приник к своей цевнице...
 Касался горный ветерок лица,
 Листая думы, словно бы страницы.

Кура вскипала, точно от грозы,—
 Вся в дикой пене, в боль и гнев одета.
 Кавказ стихами Фатали Мирзы
 Оплакивал российского поэта.

* Азербайджанский поэт, мыслитель и драматург,
 автор поэмы «На смерть Пушкина».

Окликнул кто-то, кажется, его.
 Он Пушкина услышал самого.

Пушкин

Мой друг!
 У музы есть свои права,—
 Великое грядущее—за нами:
 Оно поймет заветные слова,
 Что станут в мире больше, чем словами.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
 И назовет меня всяк сущий в ней язык:
 И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
 Тунгуз, и друг степей калмык.

Ты только что сказал, что там, где слава,
 Уж начеку сиятельный подлец.
 Правдив поэт, так ждет его расправа,
 Будь то навет, булат или свинец.

Как в черном человек, входящий в двери,
 У каждого свой срок, о том и речь.
 Всегда на свете сыщутся Сальери.
 Ну как от них таланты уберечь?

У каждого из нас—стезя поката:
 Сперва—восход, закат—за ним вослед.
 А я—так и не дожил до заката...
 На долю выпал мне один рассвет.

В Арзрум я ехал, как на именины,
 От снежных глав не отрывал я глаз.
 Ты прав: Кавказ—не кручи, не стремнины,—
 Нет, вдохновенья колыбель—Кавказ.

Пушкин

Постой... дай оглядеться мне... о, боги!
И ты—коня гнедого осадил.
Когда-то здесь, на этой вот дороге
Я гроб его увидел впереди.

Заледенело в сердце все, застыло:
Нет вдохновенья—горькая пора.
Казалось, что замерзли и чернила
На кончике гусиного пера.

Кавказ! Кавказ! Отчизна Руставели.
А Низами!—великий мастер сей!
Ашыг Аббас,—его стихи не мне ли
Прочел однажды ты со страстью всей?

Пусть скуп гранит, встающий из тумана,
Зато преданья ваши так щедры!
Я полюбил сынов Азербайджана:
Они столь благородны и храбры!

Они широкоплечи, черноусы...
В любви—нежны, в бою с врагом—лихи...
Я «Ше'р-I, «Ше'р-II»* низал, как бусы:
На ваш манер писал тогда стихи.

Здесь имя и скале, как человеку,
Дают, коль в жизни свой оставит след.
Стихи я посвятил Аджуллабеку...
Не знаю, до него дошли иль нет?

* Пушкин употребил азербайджанское слово «ше'р»—стих, стихотворение.

Поручик этот... ах, какая статья!
Тут влюбятся и гурии гарема!
На сазе стал он «Кереми» играть,
Увидел я Асли—любовь Керема.

Чи나라 вознеслась ли в небосвод
(Востоку—дань!)—он встал, сыграв на сазе.
Я видел женскую красу—вот
Мужскую я увидел на Кавказе.

Ты слишком озабочен... ну, очнись!
Взглянул, а прямо—чуждых гор отроги:
Конь—в сторону, воображенье—ввысь,
Да эдак можно сбиться и с дороги!

Твой голос, Пушкин!
Дали оглядел:
Поездка эта—странная, как тайна.
Вот стремя звякнуло—его задел
Не бард ли стремям своим случайно?

Он в мире одинок. Так что же в том?—
В пути он мнит, что двое—в нем одном.

То ветер? Или Пушкин говорит?
Вдруг впрямь вскочил на иноходца Пушкин?
То ангелом крылатым воспарит,
То рядом с ним—верхом несется Пушкин.

Пушкин

Назвал ты имена, наставник мой.
Но в этом мире, столь непостоянном,
Не смог я встретиться с Шафи Мирзой,
Сдружиться с Эристави, с Абовяном.

Ты говорил: Тадеуш... встречи нет!
Влюблен ты в клич его мятежный, лвиный...
Не мог я Нине принести привет*,
Не разделил тогда я горе с Ниной.

* * *

Хлестнул он плетью своего коня:
Как пламя—и седок, и конь поэта,
И—голос сквозь поземку—из огня,
Светло струящегося рядом где-то:

—Прощай, мой брат!—сквозь
меркнущую ширь
Не разглядеть и придорожной вехи.—
Я еду в Святогорский монастырь,
Спешу туда, где опочил навеки.

* * *

Вдруг голос тот затих, пропал вдали.
Истаяло совсем тепло дневное.
Вот мост через поток:

Аббаскули
Почувствовал дыханье ледяное.

Вот прогремел под ним настил моста:
Вновь—Грузия. Знакомые места.

* *Нина Чавчавадзе* — жена Грибоедова.

Как Стикс—поток.
Сейчас их разделил—
Надолго ли? —
Бревенчатый настил.

Вновь—Грузия, иная сторона.
Все ближе цель—в Тифлисе будет скоро...
Какая во вселенной тишина!—
Ни топота коня, ни разговора.

Достал платок—на лбу знобящий пот.
В седле Аббаскули поник устало.
Привет прощальный сердце сердцу шлет,
Пускай стучать одно и перестало.

Шел Пушкин на дуэль лицом к лицу...
Вскричал он:
—Стой!—
О, если был бы там, у леса.
Он сам бы вызов бросил подлецу,
Коль на Кавказе встретил бы Дантеса.

Такая низость! И—такая высь!—
В его душе—тот вопль, тот огонь святой.
Делись Россия! надвое делись!
Как свет и мрак, сама себе противостой.

Возмездие

Бунт Гаджи Магомеда. Приобщение девушек к мятежу. Рассказ проводника.

«...Приготовлялся к свадьбе...»
Из показаний Гаджи Магомеда

«Дочери и невесты вы моей родины.»
С. Вургун

Листаю я страницы прошлых лет,
Листвы дубовой вижу колыханье.
Давным-давно в земле Гаджи Мамед,
А над землею я—его дыханье.
Ушел в нее,
Я из нее—взошел:
Он—корень дуба,
Я—дубовый ствол.

Поет зурна, скорбит кара-зурна*:
От горя и она черным-черна.
В ее дыханье—боль и горечь вся,—
Внимая—в думу кряж ушел нагорный,—
И веет ветер, стон тот донося
До очагов, где пепел—траур черный.

—Да что стряслось?—встревожен
не случайно

Аббаскули.
В ответ молчанье: тайна.

* Буквально: черная зурна.

...Проходят дни—опять она, она!
Да по кому ж рыдаешь ты, зурна?

Проводник

Бунтарь Гаджи погиб вот здесь, в горах,
И предали тайком земле мы прах.
Узнай народ—он повалил бы валом:
Не миновать бы новой бойни тут.
Пусть холм над прахом вовсе не редут,
Тут штык бы со штыком скрестился жалом.
Сказал Мамед:
—Покуда я живу,
Пока дышу, пока топчу траву,—
Мой край—твердыня, боевой окоп,
Умру—могила, в коей ты, мой гроб.

Предание

Встал против лжи
Мамед Гаджи.

Не за права ли нищей голытьбы
Шел грудью на штыки вожак Кубы?*

Нас за собой
Повел он в бой.

Бунтарь Гаджи—
Он был свободней птицы.
И вдруг—из вольницы!—
Во мрак темницы.

* Район в Азербайджане.

Взять власть не смог,
Сам—под замок!

Ни сакли, где семья,
Ни тропки горной,
Ни пояса на нем,
Ни чохи черной.

С тех круч,
Где—конный—
Он скакал пред боем,
Мамед спустился—пеший—
Под конвоем.

Голос из могилы

Из боя в бой вела ты нас, отвага,
Так и добрались мы до Гыrx-булага*.
Друг к другу тесно, словно соты в улье,
Лепились сакли белые аульи.

Мы в каждый дом бедняцкий заглянули—
Кладбищенская тишина в ауле.
А где стада?
Где нищие пожитки?—
Их бек забрал,
Ограбил всех до нитки.

* Буквально—сорок родников.

Взмолись:
—Не тронь!—
Так в брюхо штык,
И угнан конь, последний бык.

Они теперь пасутся в стаде бека:
Проучит он мятежного абрека!
Гаджи Мамед!
Крестьянину радея,
Лишь ты бы покарать и мог злодея.

Хватали молодых парней в солдаты:
Коль рослый молодец—гора горой!—
Оставь свои родимые пенаты—
И тут же становись в солдатский строй.
Поляков гордых—к вящей бекской славе!—
Ты усмирай в бунтующей Варшаве.
А имя горца грязью ты покрой!
Сражайся с целой нацией!

А суть:

Погибнуть там,
В чужой земле уснуть.
Такую уготовил нам судьбину
Паскевич, что погнал нас на чужбину.
Мы не пошли:
Схватили в руки вилы—

Всем миром!—в руки—секачи, серпы.
Кто устоял бы против этой силы?
Вербовщик бекский—
Кувырком с тропы!

Преданье

В тот летний вечер был Гаджи Мамед
Задумчив.
Поспешал без проволоочки,
Он—перед боем—справить свадьбу дочки.
Был честен хлеб его, а если так,
Всегда у хлеба есть и вкус, и смак.
Пусть на устах его о свадьбе речи,
Но в сердце—
Мысль о мятеже, о сече.
Ликуют все—
Гаджи Мамед угрюм.
Пусть пляшут все—
Сидит он без движенья.
Дочь—в мире счастья,
Он—во власти дум,
Народ—во власти гнета, униженья.

Голос из могилы

Куда он влек нас, свадебный кортеж?—
Невесту—в бой,
Отца ее—в могилу.
Совпал со свадьбой дочери мятеж,
Вдруг обретающий двойную силу.
Да, вспыхнул тут мятеж,
и как булат,
Вдруг обрубил он свадебный обряд.
Не стала ты, невестушка, женой:
Был уготован пир тебе иной.
Сначала тихий, тайный разговор,
Чтоб поскакать потом во весь опор.

И мы пошли—
Вблизи, вдали.

Нас было сто,
А стало—тьма;
Быстрее мы, чем
Кура сама:
Волне ль догнать
Такую рать?

Лишь вот когда и я постигнуть смог,
Что значите вы, пуля и клинок.
Не нужен в наступлении окоп,
Который осторожничает: стоп!
Окоп—
В нем окопалась старина,
Стреножившая ноги скакуна.
Я смысл свободы постигал в бою,
Как ценность жизни главную свою.
Я вспомнил наставленья мудрецов:
Живи владыкою земли отцов!
Не будь рабом!—
Бесчестье и позор
Жить в сакле у себя,
Таясь, как вор.
Земля, где вольных сыновей житье,—
Изнемогал я в битве за нее.

Аллаха стал молить о смерти я,—
Он жизнь дарил мне—муку бытия.
Когда я жизнь вымаливал потом,

Он смерть послал мне, в землю,
ткнув перстом.

Прекрасен мир, хоть жизнь порой крута:
Проклясть его—и грех, и клевета.

Преданье

Стиснув зубы думу думал
Наш Гаджи Мамед,
То с крутой горы спускаясь,
То взбираясь на кряжи.

Был сердит он, яр, взбешен:
Вот конец мой!—думал он.

Но судьба
Пюка молчала:
Было это
Лишь начало.

Ружья тоже замолчали,
Смолкла и природа вся.
Дальний вопль—
Не турача ли?
Иль горянки закричали,
По убитым голоса?

Сам не ведал он,
Куда направит ход,
Леденел и клокотал он,
Глядя на восход.

Останавливались горы,
Если он скакал,
Останавливался—
Мчались, как наездник тот.

Тучей был он в бурке черной,
Черной тучей был,
И кинжал, ему покорный,
Молнией разил.

Нет, не в землю,
Где, оскалась,
Мертвый падал в прах,—
В небо молнии вонзались,
Где царил аллах.

Не с гранитных ли карнизов—
Снежный смерч во мгле,
Потому что брошен вызов
Небу и земле?
Был превыше исполина
Наш Мамед в бою...
Спит—постелью вся долина
В горном том краю.
Спит он,
Вождь могучий наш,
А подушкой—
Горный кряж.

Воевал,—близка ли ты, победа?—
Не узнать в бою Гаджи Мамеда.

Проводник

В бою, как на пиру,
Гулял весь год кинжал,
Но где теперь
Мятежный тот кинжал?

Где бурка?
Где скакун?—
Простыл и след.
А где наездник?—
И в помине нет...
Он Азраиля звал—
Не мил и свет!
Убей меня! Избавы!—
Ответа нет.

Восставший против бека мирный житель,
Вдруг против самого себя восстал,
Готовый в грудь себе вонзить кинжал.
О горе!—
Побежденный победитель,
Вождем провозглашенный голытьбой!—
И кем он побежден?—
Самим собой!
Мог победить врага, врагом сраженный,
Но мучился—живой, врагом плененный.

Голос из могилы

Я говорил...
Как умолял я в муке:
Убейте вы меня как беглеца,

Что драться не желает до конца, —
Пока врагу я не попался в руки.
Те бедолаги — отказать не в силе! —
Они за это денег запросили.
Я им сказал:
Вы бурку заберите,
Ружье, кинжал
Вы тоже заберите,
Коня, седло...
Чтоб мог я умереть! —
Возьмите все —
И не печальтесь впредь,
Но дочь и сын мой —
Вся моя родня! —
Не отнимайте их вы у меня.
Я их держу от бунта в стороне...
Не впутывайте...
Дайте слово мне!
А в будущем, когда отец умрет,
Прошу вас: охраняйте вы сирот...

Аббаскули-ага!
Есть думка у меня,
Она мне сердце так и жжет, казня:
Неужто же и ты, наш Бакиханов,
Переметнуться мог ты в стан тиранов? —
Прости меня, что так я говорю,
Но служишь ты российскому царю.
Та боль меня терзает и в могиле:
Ограбили вконец нас, разорили!
Спросил я о тебе...
Был разговор...
В Тифлис, мол, ты отправлен — под надзор.

Коль ты под подозреньем из-за нас,
То, значит, дух твой вольный не погас.
А ты, в котором честь и совесть есть, —
Зачем держал ты в тайне эту весть?..
Сказали, что убит твой друг, твой брат —
Писатель Пушкин...
В чем он виноват?
Подобно нам, чья жизнь тюрьмы страшней,
Не видел на веку ты светлых дней.

Бакиханов

Теперь я истину одну постиг:
Жизнь бедняка — и светского повесы...
Я тоже понял, как и ты, старик:
Народ один — различны интересы.
С богатым бедняку не по пути,
Бок о бок им по жизни не идти.
Высь жаждет света летом и зимой, —
Вершины, что сияют столь победно;
У их подножья, там, где путь прямой,
Дороги есть — читаются последно.
Есть речь — не слышно! — хоть кричи стократ,
Есть песнь — слышна! — хоть вслух не говорят.
О бунте Кармелюка, Спартака
Я говорил...
Потом — о Пугачеве.
Их вольный дух — сквозит он в каждом слове
У Пушкина, пусть не о них — строка.
Распутывал я те узлы ему,
А он вдруг замыкался...

Почему?

Предание

Как только был застрелен наш Гаджи,
Он был друзьями похоронен тайно.
И как тут ни гадай, что ни скажи,
Смерть сына тоже, видно, не случайна.
Весть новая —
И тут не сыщешь следа! —
Убит жених и дочери Мамеда.
Б какую мог попасть он передрагу?
Но здесь-то и увидел наш народ, —
И сам познавший тысячи невзгод, —
О дочь Мамеда! — всю твою отвагу.

Одела одеяние твое,
Жених, не ставший мужем для нее;
Яшмак — на лице, но в руке — ружье:
Она в седло вскочила, как мужчина.
Для мести есть и у нее причина!
Не преступавшая и за порог,
Пустилась в путь она, лишь пробил срок.
В том сердце женском, выжженном дотла,
Одна лишь жажда мести и жила.
Когда любовь и месть единокружны,
Им даже девы юные послушны, —
Когда ваш дух — любовь и месть! — един,
От сакли до окопа — шаг один.

Проводник

Пойдем...
Темнеет...
Портится погода...

Тут заросли — не видно и прохода.
Вот здесь, неподалеку, и могила
Алипаши.

Тут голос у него вдруг дрогнул: —
Посетить бы надо было...

Ведь это он в ночь мятежа того,
Когда казалось, что близка победа,
Арестовать велел Гаджи Мамеда.

Унизил, обругал он бедный люд, —
И все его нукеры — тут как тут!..

Пал в схватке сам Алипаша-ага:

С плеч голову долой — и вся тут недолга!

Неправ он был... и ты прости, Ага, —

Сородич твой — мы видим в нем врага...

И повернул обратно Бакиханов,

На ту могилу даже и не глянув.

Как будто в свете гаснущей зари

Мог вздернуть и его палач суровый

На ветке той, подгнившей изнутри

И тут же рухнуть вместе с ним готовой.

Гаджи Мамед, —

Земли священной пядь,

Сравнившейся с горами высотой,

С могилой этой

Путь направить к той —

Как славу на бесславье променять.

Он не пошел.

Стоял он на ветру.

Отсвечивали гребни гор кроваво.

Остались две могилы на юру:

Одна—позорище,

Другая—слава.

А проводник...

Есть что-то на уме—

Он странно усмехнулся в полутьме.

Вот показались всадники на склоне:

Один...

второй...

вон—пятый и шестой...

Аббаскули глядел из-под ладони:

Да кто же там—на горной тропке той?

Проводник

Ага!

Гляди-ка: девушки в мужской одежде!

А впереди—столь властно!—дочь Гаджи.

Вот диво:

Мы не видывали прежде

Подобные девичьи кортежи.

Вдруг снова, стоны ветра заглушая,

Заговорила черная зурна.

В глаза проводника он, вопрошая,

Взглянул, придерживая скакуна.

Бакиханов

То—свадебный обряд...

Но свадьба чья?..

Там, за горою,—пенье. Непонятно!
При чем тут, если рядом нет жилья,
Гора и свадьба?

Повернем обратно!..

Проводник

То дочь Гаджи... ты удивлен обрядом?
Ты слышал крик ее: «Алипаша!»—
Спешит к могиле со своим отрядом,
Ту мстительную свадьбу там верша...
Опаслив всяк: ни слова про Гаджу.
Смолчал и я: подумал, коль скажу...

Все стало ясно для Аббаскули.
Но меркли пики горные вдали.
Аббаскули с уздечкою в руке
Крутой тропой спускался налегке.
Но так была походка тяжела,
Так сгорбился он в тусклых бликах света,
Как будто на плечи ему легла
Сама гора огромная вот эта.

Песня девушки

Повесьте вы меня за косы девичьи мои,—
Без брата, без отца и без любви,—
Повесьте!
Пути-дороги ждут меня в ночах:
Не нужен дом, не надобен очаг
Невесте.

Отцовская мне бурка по плечу,—
С врагами расквитаться я хочу:

К расплате!
А песня колыбельная—по мне ль?—
Не для воительницы колыбель
Дитяти!

Отца я потеряла—он герой!—
И брата,—исполин—гора горой!—
И—мужа!
Осталась без возлюбленного я,
А жить мне без тебя, любовь моя,
К чему же?

...Готов Ага обратно повернуть,
Но преградил ему вожатый путь.

Проводник

А вдруг подумает она, Ага:
Пришел почтить ты прах ее врага?
Честь дома, очага—
Отнюдь не малость.
А дочь в невестушках так и осталась.
И будет свадьбу править у могилы,
Покуда вся округа, весь народ,
До сей поры бунтующий вразброд,
Не схватит в руки топоры и вилы.

Ага внимает:
Слез глаза полны,
Но в них—восторг,
Хоть слезы солонны.

Подумал проводник:
Нанес я рану—

Ответила:

—А разве же ищу я

Смысл воздуха, которым я дышу?—

Она стояла, не меняя позу,—

В душе воспоминания свежи:—

Сказали мне о дочери Гаджи—

Из сердца сразу вырвали занозу!—

Отмстила за меня и за него—

Погибшего супруга моего.

Ну, кто б дорогу преградить посмел ей?—

Не с сарычем ли сшибся сокол смелый?

Тебя искала по всему Кавказу:

Мол, слово было у отца к Аббасу.

Справляла свадьбу над могилой:

вдруг

И ты услышишь да придешь, как друг.

Бакиханов

Как жаль!..

(С досадой хлопнул по колену:

Хотел же он пойти к могиле той!

Он вспомнил провожатого, ту сцену...)

Ах, проводник!.. лукавец продувной!..

Весь так и сник Аббас при вести этой

(За промах тот кори себя, кори!), —

Как дуб могучий, молнией задетый

И подоженный ею изнутри.

Бакиханов

Не дети ли твои, родной народ,

Родившись дочерьми, сынами стали?

Так для народа брезжишь ты, восход,

День светлый—после вековой печали.

Растаял снег в горах—теперь отсель,

Все на пути сметая, хлынет сель...

Ну, с кем же ты теперь, Аббас, скажи?—

Ведь и в тебе живет он, дух Гаджи!

Аббас! Окоп твой в мир величиной:

Собой он опоясал шар земной.

Стоишь ты перед вражьей сворой злобной—

Вне мятежа!—мятежнику подобный.

Ровесник земли

Работа Бакиханова над книгой «Гюлистан-Ирэм»
и беседы его со старцем Даненде.

«...Я, грешный раб, известный под именем Гудси, сын бакинца Аббаскули Мирзы Мамед хана Второго, с целью указать путь, зная о трудности дела... начал писать книгу, собрав события, происшедшие в разные времена... сопоставил существующие сочинения, сведения, услышанные и бытующие в преданиях».

А. Бакиханов

«Среди ученых края, с которыми я был знаком... самым выдающимся по достоинству своему и знаниям был Аббаскули-хан...»

Ф. Боденштедт

«Взять из прошлого огонь, а
не пепел».

Жан Жорес

Жил на свете старец,
Одинок и сир.
Немощное тело,
Ум, объявший мир.
Тощий, седовласый,
Точно отрок, прям,
Был он в мире этом
Целым миром сам.
Был любим народом,
Чтим он был везде,
Получив за мудрость
Имя «Даненде».
Смерть?—вникал сей старец
В этот мир—
и тот,—
Есть ли между ними
Некий переход?..

Дум привычных полон,
По погосту брел он.

Видит старец:
Кто-то
Ходит меж могил
И в руках тетрадку
В трубочку скрутил.
Рослый, стать прямая:
Бакиханов! Он!

Поклонился старец,
И в ответ—поклон.

—Добрый день вам, Ага!
—Добрый день, Даненде!¹
Вновь—в заботах, в труде,
Ваш покорный слуга.
Вот надгробье, плита,—
Эта надпись на ней:
Чья-то доля крута—
И не сыщешь грозней.
Даты,
Даты вокруг!—
Некий замкнутый круг.
Жизнь... и смерть...
Где же нить—
Сопоставить, сравнить?
Речь сию необлыжную,
Что подобна лучу,
С некой мудростью книжною
Сопоставить хочу.
Письмена полустерты...
Но остался же след?
Если мыслью остер ты,
То отыщешь ответ.
Сколько тайн здесь таит
Древний наш алфавит!
Матерьял небывалый!—
Предрассудки отбросьте:
Зря считают, пожалуй.

¹ Даненде—мудрец.

Что конец—на погосте.
Даже тут,—
Прав ли в споре я?—
Наша жизнь и история.—

И—среди древних могил—
Он тетрадку раскрыл.
В тьму веков заглянуть,—
Свет мгновенного взгляда,—
Озарившая путь
Мысль, как будто лампада.

Бакиханов

В эпохе каждой гений свой живет.
Историки—Страбон и Геродот.
О многом вы поведать нам могли б,
Плутарх и мудрый Челеби Катиб.
Любой из них могучей страстью движим—
Мыслители-мужи, историки с престижем.
А сколько безымянных есть творений!
Кто их создатель—тот безвестный гений?
Что в летописях?
Нужную строку
Ищу...
Кто первый произнес—«Баку»?
Я раскрываю свиток—в нем предания:
Атропатена,
Мидия,
Албания...
Сквозь времена—то мирные, то бурные—
Я добираюсь и до слова «Урмия».
Ах, как там ни мудрили иностранцы,

А это мы, старик,—азербайджанцы!
Продолжить можно было бы примеры,
Но так—

до новой,
после новой эры.

Предания и мифы
Возносят наш Кавказ:
Коль сказочные грифы,
То где, как не у нас?
Страна чудовищ-дивов,
Русалок златогривых...

А мирный полуостров Апшерон?—
Пристанище для львов свирепых он!
Но искра истины была во вздоре:
И впрямь пылал огнями он, вдаваясь в море.
Шахри-Юнан*, —
Тот в глубь морскую канул,
Осталось имя—по пути в Сальяны...
История рождалась тут сама,
Где с истиною рядом—сказок тьма.

...Раскрыл Аббас-ага свою тетрадь—
В историю саму открылась дверца:
Страничка трепетала, точно сердце,
И как же было ей не трепетать!
Здесь,
На страничке этой,
Мысль титана:
Проник он ею до таких глубин!—

* Греческий городок.

Азербайджанского народа сын,
Отец истории Азербайджана.
Пройдись-ка ты по всем главнейшим вехам
От древних лет и до его времен—
И ты увидишь, кто же, как не он,
Был историческим—и самым первым!—эхом
Своей отчизны...

Меж кавказских гор
Гремит оно—то эхо!—до сих пор.

Немало повидавший на веку,
Знал старец, сам большой знаток наук:
По возрасту ему сей витязь—внук,
По разуму—ровесник старику.

Бакиханов

История, как шах,—с таким размахом!—
Что царь любой—и немощен, и слаб
Пред ним...
Все человечество, как раб,
Склоняет выю перед этим шахом.
Она—такой оратор и пророк!—
Что слова тут не скажешь поперек.
Все речи предков, ни словца не скомкав,
История доносит до потомков.
История—она такая школа,
Где ментор, все постигший на веку,
Стоит, потупясь, у ее престола,
Вдруг уподобленный ученику.
Учительский-то он услышал зов,
Да только вот не знает и азов.

Нет, не постигнув сути всех времен,
Где истина сплеталась в узел с ложью,—
Пуститься, значит, в путь такой, что он
В пустыню заведет по бездорожью.

Смотрю...

Читаю—

И в смятенье я:
История—для каждого народа—
Не только запись в книге бытия,
Но и урок особенного рода.
Внимай ему, народ,—и не перечь!—
Она тебя спешит предостеречь...

Обвел могилы взглядом Даненде:
Арабской вязью—надписи везде.

—И я—история, Ага.

Земля—история, Ага.

Под этой грудью, плоской, как доска,
Живут доселе радость и тоска.

День новый—новое узнать должны,—
К чему тогда и уши нам даны?

День—новый, ну а речь твоя—пуста,—
Так для чего тебе тогда уста?

Первый рассказ Даненде

Это кладбище, где камень столь суров,
Этот брэнной жизни уголок,
Некогда—так век от нас далек!—
Был обителью и туров, и бобров.
Ах, какая чаща здесь была!
Солнышком в листве горел гранат.

А цветы в глуши, где полумгла,
Источали пьяный аромат.
Запах орхидей пьяней вина:
Пей—и ты упьешься допьяна.
Путники спешат хвалу воздать:
Возлюбили эту благодать.
Кто же мог, при виде этих благ,
Не вознесть молитву:
—Машаллах!*
Травы здесь—целительный бальзам,
Круглый год в живом цвету они,—
Коль ослеп ты—приложи к глазам,—
И, прозрев, на божий мир взгляни.
Объеденье—спелый виноград.
Соком брызнет, переспев, гранат:
Струйки, коль уж ртом к нему приник,
Колют, как игопочки, язык.
Воздух прян и столь вкусна вода—
Пить, хоть за сто верст, придешь сюда.
Щебет,—птичья дружная семья,—
Утром—в свете первого луча—
Вдохновенный выщелк соловья
И ответный отклик турача.
Тут, где кладбище,—наш прах земной,—
В сих краях и был ты, рай земной!

Бакиханов

Ну, а после, после, Даненде?
Все прочел я наши тезкире**
Но истории о той поре

* Буквально—хвала аллаху.

** Тезкире—антология.

И доселе не нашел нигде.
Что же это—вымысел людской?
Или у тебя зачин такой?..

Второй рассказ Даненде

Однажды чужеземный властелин
Задумал этот край к рукам прибрать.
Он в райские те кущи, точно клин,
Вогнал свою бесчисленную рать.
—Здесь все мое—от пенья соловьиного,
От крика турача до рыка львиного.

Но взялся за оружие народ,—
Он вражескую рать в кольцо берет.
Кровь полилась...
Но, стоя среди свиты,
Увидел властелин, рыча, как зверь,
Что гибнут верные его игиты,
А у повстанцев—никаких потерь.

Теснят уже его со всех сторон.
Всегда он побеждал а тут—урон.
Здесь тайна некая, как видно, есть...
И вдруг приносят властелину весть:
Целебны воды, травы сей страны,
Но лишь для тех, кто здесь и рождены.
Побрызжет воин влагой из ключа
На рану от копья иль от меча—
И мигом зарубцуется она,
Полоска шрама только и видна.

Вождь поражен.
Приказ он отдает,
Повелевает, а в душе—смятенье:
—Под стражу взять все воды, все растенья!

Да только выполним приказ ли тот?
И он,
Как вихрь, промчавшийся по свету,
Ногой во гневе топчет землю эту.
Не может по ночам и глаз сомкнуть:
Теперь уж с ним воюют не народы,—
Уж их-то он смирил бы как-нибудь!—
Но даже

и цветы,
деревья,
воды!

Рубили лес,
Вовсю крушили лес,
Чтоб всяк росток зеленый в нем исчез,
И там, где поработал дровосек,
Пошли на убыль воды бурных рек;
Там, где теперь торчат одни пеньки,
Иссякли ледяные родники.
А где гранат?
Где прочий плод медовый?—
Тут все к рукам прибрал властитель новый.
Уже не колких струек тех прохлада,
А на устах у нас—лишь горечь яда.

Вот так история порой шагает вспять:
Жить—учат мертвые, живые—убивать.
О чем же здесь вот вопиет она—
Кладбищенская эта тишина?

История, рассказанная врагом

«Во владеньях древних Медаины*
Поднял знамя мятежа Бабек.**
Опозорил он свои седины:
Истреблял ислам ханжа Бабек,—
Окаянный, вероломный
И безбожный человек.
Мать его—о гнусь!—вино пила,
Неизвестно, кто его отец.
Сам—творил разбойные дела—
Баламут, залгавшийся вконец.
Утверждал
(Видать, и сам не прочь!)
Может в жены взять отец и дочь.
Звал сей тать, мошенник продувной:
Сын! женись на матери родной!
Был тот богохульник и невежда
Низких душ опора и надежда.
Целых двадцать лет он—горстка праха!—
Клял, хулил всевышнего аллаха».

Надпись на камне

История нашей была—
Чужие историки были,
И ложь даже в книги вошла,
Вползла в письма на могиле.
А наш исторический плач?
А наш исторический гнев?—

* То есть на захваченной арабами территории.

** Бабек—азербайджанский патриот, предводитель восстания против арабских захватчиков в IX веке.

В гнездовье орлов-степняков,
И, коль сталью пронзен ты,—гроб.
Враг обрушился—тьмы и тьмы!
Здесь сплотились и пали мы,
Кто—повержен,
А кто—пленен,—
Сколько нас!—

Не сочтешь племен:

амазон,
аварец,
массагет,
курд,
алан,
лезгин,
кумык,
халади,
татарин,
булгар,
банаваян.

Бакиханов

И наконец...
Трактат тот Гюлистанский.
Горьки плоды вражды, злой воли ханской.
В земле—щиты, кольчуги и мечи,
Людские судьбы—жертвы, палачи;
Тщеславье, ненависть, позор—все в ней,
Все—от античности до наших дней.
Но средь всех распрей, ненавистных ей,
Земля взрастила мудрых сыновей.
Властитель душ и дум шейх Низами,
Сам в мире—мир, восславленный людьми.

А поэтесса наша Мехсети*?—
Не диво ль? строки чудные прочти!
Средь сыновей и дочерей державы—
Творцы, достигшие всесветной славы...

Вот Зульфугар Сеид,—поэту честь!
Гаджи Зейналабдин... творцов не счесть!

Третий рассказ Даненде

Картину видел я:
Под кладбищем—лесище,
Под лесом—город; как гробы, жилища.
Гляди, мол, человек, дивись своей судьбе,
Мол, вот что уготовано тебе.

От древних мудрецов, от стариков
Я слышал повесть; смысл ее таков:
И впрямь на этом месте город был—
Жилища, а не скопище могил.
В том городе был счастлив человек.
Луна в него спускалась на ночлег.
Оттуда солнце утром восходило:
Приют там обрело себе светило.
Струился свет от маков и гвоздик:
Не город, а диковинный цветник!
Не счесть террас—снег сыпал с высоты,
А за стеклом—

цветы,
цветы,
цветы!

* Азербайджанская поэтесса XII века.

Там девушка-наездница верхом,—
Лук за спиной,—была лихим стрелком.
Сто тысяч конных город стерегли:
Вдруг враг нагрянет из чужой земли!
Приходит гость—шербетом встретит дева,
Плывя навстречу, точно королева.
Посол прибудет—распахнутся залы,
С почетом встретят старцы-аксакалы.
Нагрянет враг—сто тысяч на коней:
Град стрел!—и подступиться враг не смей!..

Прошли века,
И сам ты видишь: тесен
Погост,—
Лишь травы у твоих колен,
Соцветия, проросшие сквозь тлен:
Ни цветников, ни всадников, ни песен,—
Был город—прахом стал, где вырос лес,
Который тоже, срок отжив, исчез.
А после—кладбище, надгробья те,
Где есть одно лишь—надпись на плите...
Но срок грядет,
Я слышал о таком:
Тот город снова станет цветником.
Да, так его, в боренье неустанном,
И нарекут потомки—Гюлистаном*.
Веками был он погребен, незрим,
Под кладбищем, чтоб вознестись над ним.

Был старец дум невысказанных полон,
Знал Даненде, к чему те речи вел он.
Знал, сведущий в делах земных, о том,
Что сам с землей смешается потом.

* Гюлистан—цветник.

Земля ж вечна,—
В веках ей жить и впредь,
Хоть мог ее ровесник умереть.

Бакиханов

Сей уголок—истории скрижаль,
Где надпись на пласте—огнем и кровью.
Разговоришь ее—и не она ль,—
Земля!—Ответит с болью и любовью.
Мы любим землю... от нее вдали—
Без матери—мы словно чахнем сами.
При жизни мы—хозяева земли,
Посмертно же—она владеет нами.
Земля!
Свой след у каждого народа
На ней запечатлен,—его черед!
Земля!
Ты—летописец у народа,
Как у тебя самой творец—народ.

Судьба поэта

Встреча Бакиханова в Петербурге с Фазиль ханом Шей-
да перед путешествием на Восток.

«...В наш век талант певцу — смертельный
яд:

Он, вознося, убьет тебя, собрат». Хагани

Потягиваясь, точно богатырь,
Неторопливо пробуждался город.
Невы могучая живая ширь
Дышала, излучая влажный холод.

Да, странный вид являл сей стольный град:
Был призрачен и зыбок лик рассвета.
Земля суха, но воздух сыроват,
И плиты скользки, словно лак паркета.

Как сель, что глыбой смерзся в быстрине,
Витали изваянья над гранитом.
Вознесся Петр на бронзовом коне,—
Да, царь—в седле, а город—под копытом.
На иноходце он встречал восход,
А мимо—пеший!—двигался народ.
Прорезывался над Невой рассвет,
Он, розовея, над волнами ткался.
Уже не восторгались:
—Вот—поэт!

Град Пушкина без Пушкина остался.
Скупой рассвет как будто источил
Полоску крови—скорбная замета!
Земная глубь, где Пушкин опочил,—
И та была светлей сего рассвета.

Как мал приют, обжитый в жизни им,—
Великой страсти, думе, полной смысла!
Когда поэт на родине гоним—
Беда над всею Родиной нависла.

Есть климат Индостана иль Сибири,
Поэт—духовный климат в этом мире.
Ушел поэт—и часть тепла и света
Унес с собой... Да разве же не так?
Как дом пустой, где охладел очаг,—
Народ и государство без поэта.

* * *

Аббаскули, идешь ты над Невой,
Где резвый Пушкин пробегал когда-то.

Идешь—и ни одной душе живой
Нет дела до тебя—его собрата.

Желанный гость, но—на иной черте...
Мать Пушкина... и стол, накрытый в зале,
Прошли года—и где вы, руки те,
Что чай для гостя в чашку наливали?
С друзьями Пушкина знаком он, кстати,
Накоротке он с ними не впервой.
Ему дивились—стройной горской стати,
Но больше—мудрости его живой.

Та дружба и досель не умерла,
В его душе живут ее заветы,
Хоть лапами двуглавого орла
Ему вкогтились в плечи эполеты.

Шел над Невой он, полный скорбных дум:
Превратности судьбы—им нет предела...
Вот Пушкин, поспешающий в Арзрум,
Вопросы задающий то и дело.

Есть сказки—древних истин дивный рой!
Печаль и радость—в их наряде—с нами.
Знать, сновиденье—истина порой,
А явь—лишь сном бывает временами.

Ждет путь его, дорога впереди,—
Там—встречи новые...

Иди, Аббас, иди!

Есть цель, есть думка—обойти Восток,
А поклоненье Мекке—лишь предлог.

Бакиханов

Дамаск, Багдад...
Как мир чудесен тот!

Святыни эти, где робеет шаг...
Мечта узреть Египет и Ирак
Давным-давно в моей душе живет.

Меня уже и совесть укоряет:
Был разгневан шах!—
Палач придворный начисто отрезал
За то, что он, Фазиль, в своих стихах
Разил больней, чем шах разил железом.

Потом свой гнев сменил на милость Двор,
Иначе вскоре б—смертный приговор!

Глядел Ага в глаза сему творцу:
Джигит-храбрец, но не слюнтяй, не плакса!..
Стояли так они—лицом к лицу—
Два берега одной реки—Аракса.

Царь разрубил Араксом, как мечом,
Страну, народ их на две половины,
А Пушкин, взявший верх над палачом,
Вновь сочленил их: будьте же едины!

Соединил их—личностью своей,
Стихом своим, что всех мечей острей.

Аракс...

Им слышен вопль его волны.
Хоть оба дети—одного народа,
Но в сердце боль, которой нет исхода:
Ведь каждый—подданный иной страны.

Ф а з и л ь х а н

Сколь добр порою случай!.. Ассалам!..
Вот встреча!—не аллах помог ли нам?
Господь, сокрытый от очей в раю,

Тебе молитву вознесу свою...
Бессчетных бед сполна испил я чашу...
Сбежал я из Дворца—в отчизну вашу.
Аббас!

Нес упования свои
Я вам и Пушкину: в пути когда-то,
Где горы, как сыны одной семьи,
Приветил Пушкин и меня, как брата.
Навек мне в память врезался тот миг,
Когда я душу Пушкина постиг
Могучим гласом был твоим он, Русь...
Прощаясь, я сказал ему:

—Вернусь!..

А он в ответ промолвил:

—Ждать я буду...

Где ж эта встреча? можно ль верить чуду?..

Я думаю—поэт Фазиль Шейда!—

Стремясь на суть вещей взглянуть пошире,

Что там—своя и здесь—своя!—беда,

И беды, зная, соперничают в мире.

Правдив поэт и потому—гоним:

Все горести спешат вослед за ним.

Он—под прицелом, хоть ходи в кольчуге...

Наш Дагиги стал жертвою пьянчуги,

В темнице шахской чахнул Хагани.

Фирдоуси покинул край родной...

А здесь, в столице русской, в наши дни?—

О Пушкин!—у него ль удел иной?

Постиг Фазиль, каков правез и суд
Здесь, где подлец таится, карауля.
О, как опасно быть поэтом тут,
В стране, где Пушкина сразила пуля.

В его душе—сокрытое терзанье,
Его опора—сколь она слаба!
Его стихи—дастан или сказанье,—
И тут играла в прятки с ним судьба!..

А эта встреча—прихоть не ее ли?—
Чуть сдвинулась повязка с глаз у доли.

Коль ты поэт, так покорись судьбе:
Познаешь все—победы и ошибки,—
Судьба не улыбается тебе—
И нету на лице твоём улыбки.

Стон Физули и ропот Видади,—
Сколь сходны были судьбы у поэтов!—
Все словно бы сгорело...

Погляди:

Ни рукописей нету, ни портретов.

Фазиль хан

Задумались вы, точно в забытьи
Вдруг впали...

Я и сам—в печали черной.

В России вы—пристанище мое...
О, где же твой дворец, поэт придворный?..
Уехать иль остаться?—все невмочь.
Волной Аракса стать бы мне отныне!
Сей скорбной мысли мне не превозмочь:
Иметь отчизну—сгибнуть на чужбине!

Бакиханов

Фазиль!

Не унывайте: и к услугам
Судьба уже готова, может быть...
Вам Пушкин посвятил стихи,
Назвал вас другом,—
А этого России не забыть!
И здесь, в России, есть у вас опора:
Не светский хлыщ—народ вам будет рад.
Да что тут толковать!..
Уж полдень скоро.
Пойдем-ка пообедаем мы, брат...

Фазиль Шейда

Кивнул ему—

И тут он,—в горячем сердце—

Ледяная стынь,—

Сказал,

Что Святогорский!

монастырь

Для Пушкина

Последним стал приютом.

...У каждого—не высказано что-то:

Есть слово—узник, что клянет тюрьму.

Он в путь уже готов.

Но вот забота:

Как он об этом сообщит ему?

Скрывать нельзя...

Сказать немедля, что ли?

Иль подождать?

Пожалуй, не сейчас...

Глядит на друга, будто поневоле
Он камень для него за пазухом припас.
По повеленью свыше—вот в чем суть!—
Отправится полковник в этот путь.
Готовятся к приему в Тегеране:
Ты должен точно в срок прибыть, гонец.
Все жестко обусловлено заранее:
Вас, господин полковник, ждет Дворец.
Поставил подпись он свою когда-то
Под текстом Туркманчайского трактата.
Что толковать!—в историю вошел
Известный шахской Персии посол.

Бакиханов

Да, подписью своей скрепил в тот день я...
И что?—разлуку целого народа!
Кто подписью заверит единенье?—
Жду с завистью теперь его прихода.

...С той думой шел он.
Рядом Фазиль хан.
Сказать ли? не к лицу ему обман!
Колеблется...
Но разве слабость это—
Подобной вестью вдруг сразить поэта?
Молчи!—тут ветер вдруг его настиг:
Уж не стихии ль путь вдруг преградили?
И разум прав, и сердце—в этот миг,—
И оба—словно бы равны по силе.

190

Бакиханов

Фазиль!
Гнетет мне душу дума злая,
Скажу вам, огорчить вас не желая:
Совпали,—рок ли здесь вмешался, рьян?—
Приезд ваш... и отъезд мой, Фазиль хан.
Мой путь лежит отныне на Восток,—
Быть может, отлучусь на краткий срок.
Там посещу я древние святыни,
В которых—дух господней благостыни.
Но прежде посещу я Тегеран:
Для разговора ждет меня Иран.
В верхах известно стало наконец:
Готов с Россией сблизиться Дворец.
Но я отсрочку попросить могу,
И царь уважит своего слугу.

Фазиль хан

О что вы!..
Встрече рад я, как награде...
Вам—в Мекку?—так езжайте, бога ради!

...Фазиль!
Ты мог бы повернуть и вспять—
Аббаса отворотить от той дороги.
Расстроился б слегка, но смог понять...
Но кто ж прозрит грядущее, о боги!
Мог знать ли он, что в Мекке, а не тут
Земле останки друга предадут?
Не вражеская пуля, не тюрьма—
Сразит его там черная чума.

191

Никто слезинки, в миг столь скорбный тот,
Над прахом чужеземца не прольет.
Не ведает он о своей судьбине,
Навстречу смерти устремляя бег,
И сирая могила на чужбине
Останется, забытая навек.

...Ага идет,
Совсем о том не думая:
В душе—иная боль, тоска угрюмая.
Покинет он Отчизну—и навеки!—
Где ж эхо гласа вящего того?—
Мой край лишится сына одного,
Одной могилой больше—в даялях Мекки.

Бакиханов

Коль попрошу, дадут отсрочку мне:
Уж в этом-то уверен я вполне.

Фазильхан

Из-за меня остаться? А дорога?
Вас ждут уже... езжайте, ради бога!

В тот день Фазиль его и проводил.
Молчал Ага, поникнув головою:
Не постоял он с другом у перил
Над гордою красавицей Невой.

Но мысленно он дал себе обет,
Что возвратится он к тебе, поэт.
Здесь, где у них и встреча, и разлука,—
Обнимутся, расцеловав друг друга.

В Баку, в Кубу он гостя пригласит:
Уж там он примет друга честь по чести.

...Расстались.

Вновь—береговой гранит.

Опять раздумья—боль и горечь вместе.

Не постоял с Фазилем над Невой,
Где Пушкин, опираясь о перила,
Шептал стихи: Нева с ним говорила,
А люди пробегали—мимо, мимо,—
Здесь, в плеске волн,—и глас его живой,
Хоть сам он отрешен уже от мира.

Княжна

Посещение Зумруд Ниной Чавчавадзе. Судьба Зумруд.

Мой стон вас будит, отчие края,
Но доля спит счастливая моя.

Физули

Брал подъем—и по склону спускался в пыли
Караван. Вот дошли до селенья и встали.
Двое, в траур одетые, молча прошли
Сквозь врата в этом каменном древнем
квартале.

Словно вдруг и очаг поостыл у семьи.
Мир нахмурился: горы—как скорбные брови.
Кто они? и откуда?—пришельцы сии,—
Тут не спросят, где гостя приветить—
не внове.

Перед ними приветливо дверь распахнут...
Сокровенная в этом приходе причина:
Руки женщины—руки горянки Зумруд
Ты целуешь, грузинка, печальная Нина.

То была мастерице высокая честь:
Поцелуй тот порывистый—прежде привета,—
И, казалось, хозяйка—лишь гостя вот здесь,
Где казалась хозяйкою гостя вот эта.

И—признательны обе друг другу они,
И—да славится этот обычай народа!
Ты, грузинка, горянке в глаза загляни:
Ты к ней в сердце вошла ведь еще до прихода.

Дом Паскевича,—в нем поэтичный ковер:
Краски—были бы впору и пушкинской речи!
Мастерицу грузинка искала с тех пор:
Вот он, миг долгожданный заветной
сей встречи!

Об ином и не мыслила больше уже:
Ей поведать одной всю тоску свою вдовью.
Знать, любовь, что—в единственной
женской душе,
Сотни новых сердец зажигает любовью.

Разве можно то горе в душе побороть?
Мир?—для вдоха единого воздуха нету!
В сердце только одно упование: господь;
На устах у нее—обвинение свету.

Дороже камня в перстне-самоцвете
Вы для меня, терзания мои!
Он умер—я осталась здесь, на свете
Надгробием той—умершей!—любви.
Живет душа любовью в мире этом.
Любви лишившись, суть постигла я:
Что не убьешь ни пулей, ни запретом
Любовь,—
В ней смысл земного бытия.
Мечтанья, грезы, думы и тревоги—
Все пробудил он...
Вдруг—тот конский топ...
Я ликовала, стоя у дороги:
Ждала супруга, а навстречу—гроб.
Отчизны сын, был пасынком он века:
Ни ласки, ни тепла—таков наш век.
Любившего и жизнь и человека
Убили. Кто же: жизнь иль человек?
Как весть несли, бредя за той упряжкой?
Не рухнули под этой ношей тяжкой?
Как спать могли,—о, как смогли уснуть!—
Коль он уснул навек, свершив свой путь!
Искал он славы...
Но не тут-то было!
Ты в жизни сей—творец?—так умирай!
О боже, боже!
Сколь же нищ тот край,
Где украшает землю и могила!
Украсилась!..
Земля меня везучей:
Взяла того, кого ждала и я...

Иль гроб поэта, о страна моя,
Славней для всех, чем сам творец могучий?
А в чем моя вина?

Своей жене,
Которая сама—его частица,—
Ведь обещал он всю Россию мне!—
Взамен заставил в траур облачиться.

Жив голос лишь его...
В воспоминанье!
Да как же так могло случиться, чтоб
Страны великой сердце и сознание
Вместились вдруг в один тесовый гроб?
Земля свои объятия для него раскрыла,
Раскрыла,
Но не ты—его супруга...
России—слава вечная его,
Вдове—лишь вечная досталась мука.

Так говорила, боль свою поведав,
Вдова. Ну чем ее утетишь тут?
Иран... Аббаскули... И—Грибоедов!

Нахмутив брови, слушала Зумруд.

Нина Чавчавадзе

Придет беда иль радость—нас не спросит.
Уже тогда ходила я на сносях.
В груди ты билось, сердце, кровь гоня,
Другое же—под сердцем у меня.
В Тебризе были мы уже вдвоем,

А он, один, без нас, жил в Тегеране.
Тут хлынули дожди: как бы заране
И небо зарыдало вдруг по нем...
И вот я одинока: мужа нет,—
Не ливнями ли теми смыло след?
Ждала: вернется...
Нет и нет гонца! Так—день, другой...
От мужа—ни словца...
Но вот и вестник,—взор опущен вниз:
Мол, повелел вернуться мне в Тифлис,
Мол, скоро, после всех трудов бессчетных
И сам вернется на Кавказ... на отдых.
Молчанье... Недомолвки...
Жди, жена!..
А на чужбине я, как персг, одна.
О дипломаты!—разве не позор:
Переговоры завершив с властями,
Они—по-лисьи!— и со мною стали
Вести дипломатичный разговор.
Отнявши все: и счастье, и семью,
Таили от меня беду мою.
И та, что другом для него была,
Стать матерью я так и не смогла...
Да разве все могу я передать!..

...Сама, супруга потеряв на бранном поле,
Ты, старая вдова, горянка-мать,
Внимала молча той великой боли.
Вот так излить всю душу в разговоре—
Вновь пережить ту муку, это горе.

Нина Чавчавадзе

Молю: соткните мне его портрет!
В сих пальцах оживают даже нити...

Вот вам оригинал—другого нет!—
Чтоб он воскрес, вы жизнь в него вдохните.
Лишилась я супруга в Тегеране,
А на Кавказе обрету опять.
Не жить бок о бок,
Так пускай—на ткани,
Но лишь бы—рядом, чтоб не умирать.

* * *

Своим глазам не верила Зумруд:
Портрет!—тот гость, ее глаза не врут.
Она его попотчевала чаем:
Он больше не был для нее чужим—
Родня!—коль гостя в сакле привечаем.
Набила снедью путевой хурджин.
Из этой сакли, выкурив кальян,
Он и направился в свой Тегеран.
Зумруд, чтоб оградить его от бед,
Водой плеснула путнику вослед.
Уже отряд на гребне перевала,
А все Зумруд их взглядом провожала.
Сказал ей гость, что у него жена
Красавица—грузинская княжна.
Юна, свежа, как вешний первоцвет
(Так говорил... ведь он же был поэт!)
Сказал, что, возвратясь из Тегерана,
С женой наведается в гости вновь;
Сказал, сколь встреча новая желанна:
Эх, будут дни!—веселье да любовь.
Да, обещал с супругою прийти,
Но, знать, беда была уже в пути...
...О мать Зумруд!
Скорбей и бед всесиле...

Поклон тебе свой низкий приношу!
И как, скажи, не подломились крылья,
Как вынесла ты все, Зумруд-гушу!
О, сколько шло их к твоему порогу—
Тех, кто терял иль находил дорогу.
Друзья...
Порожка низкого плита
Столь глубоко протерта неспроста.
Друзья! Друзья!
О сколько тысяч ног
Переступили через тот порог!..
Откуда бы узнала Нина вдруг,
Что здесь—вот здесь!—стоял ее супруг?
Встречать гостей иль провожать гостей,
Им стол накрыть—тут непростое дело:
Искусство!—щедрость, коей нет предела.
Коль сел за стол, так уж вкушай и пей!
И я вам, этого народа сын,
Скажу (я сам встречал гостей у входа):
Порою там, где стол накрыт один,—
Гостеприимство целого народа.
Подобный стол—пир даже и для глаза!—
Гость—первый друг для жителя Кавказа.
А если на стене такой ковер!—
Уж тут воистину пирует взор.

...О мать Зумруд!
Знай, сколь безвестна ты,
Столь знамениты все твои творенья.
Творя твой образ—скорбные черты!—
Как будто сам себя творил в тот день я.
Ты—голос мой. Отрада ты моя.
Все существо мое—в твоём портрете,

И если нет конца у бытия,—
Умру я—мною будешь ты на свете.

...Друг на друга глядели светло и печально:
Сколько пыла в сердцах тех, где скорби—
как лед.

Молвит Нина почтительно, молвит прощально:
—Вот алмаз вам... за труд...—
бриллиант достает.

Так блистал бриллиант у нее на ладони,
Что ковры— и они!—потускнели при нем.
Не слезинка ль скатилась из глаз при поклоне
И в ладошке у ней стала льдистым огнем?

Так увлажнились у нее ресницы,
Такой туман ей очи заволок,
Как будто не алмаз той мастерице—
Свою слезу вдова дает в залог.

Зумруд качнула головой в печали—
И руку Нины отвела Зумруд,
Как будто впрямь ей не алмаз вручали,
А вдовью скорбную слезу—за труд.

О Нина!
Наделенная талантом
Любви высокой, редкой красоты,
Сама ты здесь предстала бриллиантом:
Дышали светом пылкие черты.

Глядит Зумруд,—в глазах укор суровый
И—доброта!—тот материнский взгляд,—

Сердечность эта, что всему—основой,—
Дороже всех сокровищ во сто крат.

И Нина, вся она теперь—смущенье:
Давно не ошибалась так она!—
И—дрогнул голос—просишь ты прощенья
У женщины незнатной той, княжна.

Да, слово и в державе есть держава:
Стояла перед ней горянка та,
Как горная вершина, величава,
Но, как земля в ногах у гор, проста...

О, как же у нее душа ранима!—
От сердца речь—нет выпренней красы.
Заговорила—и ни слова мимо!—
Все положила, словно на весы.

Зумруд

Я слышала о вас от Бакиханова—
От гостя, друга нашего желанного.
Не чаяла, что ты ко мне домой
Придешь...

Не прихоть ли судьбы самой?
Я мужу говорила твоему:
Я для тебя портрет супруги вытку—
Вплету всю душу в шерстяную нитку!—
Повесишь на стене в своем дому.
Приедешь снова в гости, Грибоед,—
И ты получишь в дар ее портрет.

Ковер приносят.
Горная стремина,
Внизу—поток,
А рядом—Нина, Нина!

Глядит грузинка,
Зарыдать готова:
И вправду соткала:
Сдержала слово!

Зумруд

Да, соткала. Ждала: вернется сам он.
И вдруг ему—иной подарок: саван.
Но ты пришла—его жена, подруга.
Вот дар тебе—от имени супруга.
Бери!
Сей дар—его любви порука.
Сама узнала, как тяжка разлука.
А этот твой портрет—работы всей начало,
Сказал: «Не потеряй!»—и я не потеряла.

О ветры жизни!—
Ледяные вихри эти!
Так вот где встретиться она должна
Сама с собой—
Такой счастливой на портрете!—
Отныне столь несчастная княжна.
Вглядишь в обеих женщин—и сравни-ка:
Какой удел! тут две судьбы, два лика.
Казалось ей:
Она в мгновенья эти

Вдруг умерла, воскреснув на портрете—
Ликующей: в очах огонь—не стужа,—
Такой, какой была при жизни мужа.
Мир изменить?—
Каприз его случайный:
Мир тайной был—и мир остался тайной.

На ту глядишь, глядишь ты, боль нагая.
А та—победоносно!—на тебя.
Одна глядит, ликуя и любя;
В лицо ей с горькой завистью другая
Глядит, от крестных мук изнемогая.
Хотелось боль свою простой горянке
Излить.
Поведать только ей одной.
Но гордость пересилила в дворянке:
Ах, крест еще и этот—быть княжной!
Ту боль, что сердце ей насквозь прожгла,—
Всю; всю!—излить ей так и не смогла.

Ушла она...
Скрипнув, закрылась дверца,—
Оборвалась в руках горянки нить...
Легко тебя в груди мы носим, сердце,
Зато как тяжело в сердце боль носить!

* * *

Ушла, поклон земной отвесив, Нина;
Здесь поселилась, лишь вошла в жилье,
Как тень грузинки, вся ее кручина,
Осталась в сакле жить печаль ее.

Был родич у Зумруд, принес ей вести:
Убит и Пушкин—пулею сражен!

К ней гостем в дом вошел с Аббасом вместе,
Ее коврами восторгался он.
Как скоро он покинул этот мир:
Видать, и он был одинок и сир.

Разматывалась нить воспоминаний,
Перед глазами все текла, текла,
Как нить клубка, что в молодости ранней.
Впервые в жизни, в руки ты взяла,
Когда не бед, а счастья ты ждала;
Ты радости своей ковер ткала;
Настало время, и теперь ты вытки
Ковер скорбей, ковер душевной пытки.
Жаль Пушкина... Ему бы жить, творя...
А мой старик?
Уж он-то сгинул зря!..
Погиб и Грибоед... бедняга... на чужбине...
Он счастье взял с собой,
Оставил горе Нине. Возврата нет.
А наш Аббаскули?..
Пропал... уехал он на край земли...
Не знают люди, где когда умрут...

...Вся высохла, истаяла Зумруд.

* * *

А утром очнулась она спозаранок.
Как видно, беда не приходит одна:
Рука отнялась!—и теперь, как подранок,
Как птица с крылом перебитым она.

Не прибрано в сакле. И ждет сиротливо
Труд начатый,—кажется, спросит вот-вот,

Когда мастерица, творящая диво,
В ковер вдохновенную душу вдохнет.

По песне—душа, а рука—по работе
Тоскуют.

Но пылью покрылся станок.
О, птица Зумруд! Не тебя ли в полете
Свинец раскаленный навывлет прожжет?

Величие, славу России губя,
(О Пушкин! поэты, которых убьете!)—
Та пуля пронзила, Зумруд, и тебя,
И скорбная весть обошла всю округу,—
Чужой или близкий—для всех тяжела.
...На горной вершине пустынная скала:
Ни птицы Зумруд, ни пришельца орла,—
Лишь промельк стремительных крыльев—
сквозь вьюгу.

* * *

Нам слово смысл столетия являет,—
Все, чем живу на свете я, являет,
Как ткань ковра соцветия являет
Ушла Зумруд, а сказ о ней остался.

СОДЕРЖАНИЕ

Давид Кугультинов. Судьба поэта.

СТИХИ

Переводы Н. Орловой.

Смех, печаль	9
Не заплывай, Нариман, вернись	9
Все кажется мне... будто свидимся мы...	10
Радуйся	11
То я темен весь—мутней заводи	12
Простите мне мою радость	12
Агава	13
Перед лицом истины	14
Жизнь	15
От силы—двое	15
Вернись	16
Кура течет	18
Не могу разделить на двоих	19
Выпрямись	20
Двери остаются	21
Недосягаемая	21
Возвращайся	22
Я такой	23

Переводы Г. Калашникова

Увидеть бы вас	27
Долг	28
Дитя и мать	29
Совладельцы	31
В подземелье	32
Березы	32
Жизнь	34
После...	36
Природа	37
Перед статуей Николая I	39
Сараево, Баку	40
Первый шаг	41
Мустаю Кариму	42

Лирический отрывок	43
Я жду тебя	44
Разговор ни о чем	44
Ты как звезда взошла в моей судьбе	45
Признание	46
Не зная	47
Лестница	48
Раздумья	50
Цвет и голос	50

Переводы В. Максимова

Песни Палестины	53
---------------------------	----

Из Бельгийской тетради:

Низами в Европе	55
Айнур	56
Ковер, сотканный моей мамой	57
Рашид в Брюсселе	58
Моя история	60

Переводы О. Ермолаевой

Город, горящий во сне	63
Молчанье поэта	64
Поэт	65
История земли	66
Девять миллионов и раненные деревья	66
Крик Хатыни	68

Переводы О. Гаджикасимова

Сыну	71
Лесная дорога	72

Переводы С. Мамедзаде

Без тебя	75
--------------------	----

Перевод В. Семенова

Пушкин на Кавказе (поэма)	77
-------------------------------------	----

1

590 053